

Е. МЕСЯЦЕВ

"С Л Е Д П Е Р И С К О П А"

Литературный сценарий кинофильма

Красивый старинный дом был окружен великолепным парком. Перед домом — площадка для машин. У подъезда с широкими каменными ступеньками стоял "мерседес", а возле него инвалидная коляска.

В ней — аккуратно одетая, с красивой прической женщина лет семидесяти. Ноги женщины закрыты пледом. За ее спиной — молодая сиделка.

Женщину в коляске зовут Рут. Перед ней — мужчина лет восьмидесяти, ходя, глядя на него, этого никак не скажешь: он спортивен, худощав, в элегантном светлом костюме. Это муж Рут: германский миллионер Манфред Отто.

Слуга вынес из дома два чемодана. Пожилой водитель открыл багажник: слуга положил в него чемоданы. Рут внимательно следила за действиями слуги. На ее коленях листок, в руке фломастер.

- Пижама, — спросила она мужа.

- Взял, — тот улыбнулся, — три комплекта.

- Мыло... нассесер, — продолжала Рут, отметив на листке.

- Все в чемодане.

- Носовые платки, галстуки...

Из дома вышел молодой мужчина с дипломатом. Это помощник Отто и его юрисконсульт Вилли Хофман.

- Самолет готов, герр Отто, — сказал он, — я только что разговаривал с генералом Крюгером — нас будут ждать.

- Хорошо, — ответил Отто.

- ... Помогите ему, Вилли, — попросила Рут Хофмана. — Он всегда раскладывает носовые платки по всем карманам, а это, согласитесь, очень смешно, особенно, когда какой-нибудь прием.

- Не беспокойтесь, фрау Отто, — ответил помощник.

- Ну, все? — спросил Отто у жены.

- Да, — она взглянула на листок, — кажется все.

Отто нагнулся к жене. Она нежно обняла его за шею. - Осторожнее, Манфред, - попросила она. - В России ведь сейчас неспокойно.

- И ты... держи ноги в тепле, - ответил Отто. - Я сразу же позвоню из Москвы, - он поцеловал руку Рут.

Первым в машину сел Отто. Хофман занял место рядом с водителем.

Рут помахала мужу. "Мерседес" покидает площадку.

- Мы полугляем немного, Лиза? - спросила Рут у сиделки.

- Конечно, фрау Рут, - девушка улыбнулась. - Сегодня чудесный день.

Она осторожно везет коляску. Рут смотрит на листок.

- Не верю, - сказала она.

- Вы что-то сказали, фрау Рут? - вежливо переспросила сиделка.

- Он наверняка забыл что-нибудь, - Рут улыбнулась.

х х х

"Мерседес", свернув с широкой автострады, понесся по бетонному шоссе, на обочине которого стоял указатель: впереди была военно-воздушная база Германии.

х х х

Манфред Отто задумчиво смотрел в окно. Вилли Хофман просматривал деловые бумаги.

- Семьдесят одна тонна, герр Отто, - сказал Вилли. - На двух самолетах.

- Больше всего им нужны инвалидные коляски, - ответил Отто, теплая одежда, лекарства... продукты... Сколько телевизоров вы взяли у "Грюндига"?

- Двести, - ответил Хофман.

х х х

Возле контрольно-пропускного пункта их ждали два рослых офицера военной полиции. Проверив документы водителя, один из полицейских кивнул, и шлагбаум поднялся. Прежде чем прибавить скорость, водитель пропустил вперед открытый армейский джип с двумя офицерами германских ВВС.

Миновав несколько красивых домиков, обе машины оказались на рулежной дорожке аэродрома. Они ехали мимо капониров, мимо строя военных самолетов. Низко над ними пронеслась четверка истребителей и тут же крутой "горкой" исчезла с глаз.

Обогнув очередной капонир, джип и "мерседес" оказались перед двумя камуфлированными четырехмоторными военно-транспортными самолетами с черными крестами на фюзеляжах.

Грузовые люка громадных "Геркулесов" открыты. В чреве самолетов, по их бортам - длинные высокие ряды коробок.

- Сюда, пожалуйста, герр Отто, - один из военных летчиков, которые сопровождали миллионера, показал ему на соседний самолет.

Приблизившись к "Геркулесу", Отто жестом пригласил помощника первым подняться по широкой сходне в самолет. И тут же шагнул следом за ним.

х х х

Они шли вдоль длинного ряда красочных коробок с надписями по-немецки. Груз внимательно осматривали двое из экипажа "Геркулеса".

Отто и Хофман оказываются перед небольшой дверью, которую услужливо распахнул еще один военный.

х х х

За ней - просторный уютный салон с небольшим столом, черыррьмя креслами. За салоном - открытая дверь в кабину летчиков.

В салоне Отто и Хофмана приветливо встретил рослый и крепкий

блондин с короткой стрижкой. Форма военного летчика бундесвера сидела на нем безукоризненно.

- Можно взлетать. Москва ждет, господин Отто, - сказал летчик, - погода отличная, через три часа мы будем на авиабазе в Кубинке.

- Спасибо, - ответил Отто, садясь в кресло и жестом пригласил помощника занять место напротив. - Кофе, чай? - спросил он у него.

- Кофе, если можно, - ответил Хофман, раскрывая кейс-атташе и выкладывая на стол деловые бумаги.

- Два кофе, пожалуйста, - попросил Отто летчика. Кивнув, тот уходит.

Хофман протянул Отто несколько листков.

Тот вопросительно посмотрел на помощника.

- Списки, - пояснил Хофман.

Миллионер взял листки...

х х х

Один за другим "Геркулесы" двигались к взлетной полосе...

х х х

И с коротким интервалом поднимались в небо...

х х х

Отто и Хофман вчитывались в бумаги.

На столике перед ними - две чашки кофе, пепельница, сигареты.

Перед миллионером - списки с русскими фамилиями и короткими пояснениями против каждой из них.

Такие же списки в руках Хофмана. Достав ручку, Отто поставил против одной из фамилий вопросительный знак. Хофман, заметив это, посмотрел на шефа.

- Сколько лет вы провели в России, Вилли? - спросил Отто.

- Семь с половиной, герр Отто, - ответил тот.

- И я ... столько же. Значит, мы должны неплохо знать русских? Храмов... Часто ли вам приходилось слышать такую фамилию?

- Ни разу, герр Отто, - ответил Хофман.

- Значит, это редкая фамилия?

- Пожалуй, так.

Отто задумался.

- Храмов, - снова повторил он, - семьдесят три года... бывший военный моряк. Воевал на Северном флоте, - Отто посмотрел на бумаги. - Почти все сходится.

- Вам что-то напомнила эта фамилия? - осторожно спросил Хофман.

Отто молчал, глядя в окно.

Вспыхнуло и тут же исчезло видение: горящая подводная лодка с белым номером на ходовой рубке У-224, надувные плоты, в которые спешно рассаживались немецкие военные моряки.

За ними с ходового мостика с тревогой наблюдал офицер в фуражке. Дым валил из распахнутого кормового люка.

А совсем близко от подводной лодки покачивался советский военный корабль: все его орудия и оба торпедных аппарата были направлены на немецкую субмарину...

х х х

По всему предыдущему действию можно "положить" начальные титры фильма и его название

СЛЕД ПЕРИСКОПА

х х х

Ординаторская в больнице небольшого городка в центре России.

За столиком пили чай двое врачей. В кресле, у стены сидел Сергей Федорович Храмов: лет семидесяти, крепкий, лысеватый - тот самый, на которого неожиданно обратил внимание немецкий

миллионер Манфред Отто.

- ... Анализы у нее неплохие, - говорила женщина-врач. - Правда, кардиограмма не очень... Послезавтра вашу жену еще раз посмотрит терапевт и тогда станет ясно окончательно - выдержит ли она операцию.

- Ну... а если... без нее? - спросил Храмов растерянно.

Женщина глянула на своего коллегу - молодого мужчину.

- ... Может быть, вместо операции лучше травы... какие-нибудь... Экстрасенсы есть очень сильные... С ними поговорить.

Прежде чем ответить врач внимательно осмотрел рогалик, который он взял с тарелки, обмакнул его в банку со сгущенным молоком и только после того, как откусил от него, помотал головой.

Храмов терпеливо ждал, когда врач проглотит и запьет рогалик.

- Метастазы, слава богу, нет, - сказал врач решительно. - После такой операции еще сто лет живут. Ну а без нее... два - три месяца... Не более... Решайте.

Храмов поднялся. - Можно к ней? - спросил он женщину.

- Конечно, - ответила та.

Храмов вышел из ординаторской...

х х х

Небольшой, но густой старинный парк окружал особняк, в котором располагалась местная больница.

По его дорожке неторопливо шли Храмов и его жена Саша: в больничном халате, в домашних туфлях... Ее красивые седые волосы заплетены в тугую косу, которая уложена на затылке. Саша держала мужа под руку, ее голова касалась широкого плеча Храмова.

У красивых литых ворот больницы они остановились.

- Не волнуйся, Серега, - сказала Саша, улыбнувшись. - Все будет хорошо... Я выдюжу... Пусть режут... если ничего другого

нельзя придумать... Тебя же резали... и, слава богу, вон ты у меня какой до сих пор, - Саша снова улыбнулась...

Храмов осторожно обнял жену за плечи, она прижалась к мужу. Молодая пара, которая прошла мимо, оглянулась. Обернулась и Саша со счастливой улыбкой.

- Сашке позвоню, - решительно сказал Храмов.

- Не надо. Зачем дергать?

- Вместе решим, - возразил Храмов. - Резать или... Может, тебя надо забрать... в Москву... Пусть приедит.

- Хорошо, - Саша со спокойной улыбкой смотрела на мужа... Погладила его редкие седые волосы. - Все будет хорошо, - повторила она. - Раз ты со мной...

- Плох плетенёк, а все-таки защита, - Храмов старался скрыть волнение.

Настроение мужа передавалось и Саше. - Завтра не приходи - у меня все есть.

Храмов вышел за ворота.

Жена с улыбкой смотрела ему вслед.

Походка мужа была твердой, ровной...

х х х

Автовокзал. Несколько цыганок с детьми забирались в кузов крытого грузовика: с узлами, ведрами, раскладушками...

Два красивых цыганёнка: девочка и мальчик лихо отплясывали перед лавкой, на которой расположились туристы с рюкзаками и разборными байдарками. Двое парней с гитарами вполне профессионально играли плясовую. Девочка при этом очень точно била в бубен, усиливая ритм.

Цыганят окликнули из кузова. Девочка протянула туристам бубен: в него "упали" несколько полусотенных.

х х х

Девочка побежала к грузовику с цыганами, а мальчик продолжал плясать, не сводя восхищенных глаз с одной из туристок.

х х х

Храмов смотрел на туристов и цыганят из окна автобуса. Двери его закрылись... Автобус покидал площадь...

Парни серьезно отбивали на гитарах плясовую...

х х х

- Москва, господин Отто! - сообщил командир "Геркулеса" из-за приоткрытой дверцы кабины. - Авиационная база в Кубинке.

х х х

Один за другим "Геркулесы" касаются бетонки военного аэродрома...

х х х

Широкая сходня медленно опустилась, и перед Отто и Хофманом открылось широкое поле военного аэродрома, заграничный микроавтобус и две черные "волги". Возле машин гостей ожидали немолодой генерал-полковник со звездой Героя Советского Союза, двое его ровесников (генерал и контр-адмирал), мужчина с телекамерой и его грудастая ассистентка с микрофоном, а также молодой элегантный мужчина с дипломатом: представитель посольства Германии в Москве. Впереди всех торжественно замерла девушка в русском сарафане и кокошнике: встречала гостей с хлебом-солью.

- Вперед, Тонечка, - негромко сказал ей генерал.

Красавица шагнула навстречу Отто.

- Добро пожаловать на русскую землю, гости дорогие! - с улыбкой громко произнесла Тоня и, низко поклонившись, протянула Отто каравай.

Со знанием дела немец отщипнул кусочек хлеба и, осторожно обмакнув его в солонку, с улыбкой отправил в рот.

- Спасибо, - сказал он и поклонился.

Дальше, правда, немецкий гость не знал, что делать. Выручил представитель посольства: с поклоном взял у девушки рюкзак с караваем.

К Отто шагнул генерал. - Председатель российского Комитета ветеранов войны, генерал-полковник Секачев, - представился он, козырнув. - Бывший командующий советской группой войск в Германии.

- Здравствуйте, - с улыбкой ответил Отто, пожав генералу руку.

- ... Мои помощники, - продолжал Секачев, имея в виду своих сверстников. - Генерал-лейтенант авиации запаса Цыбин и контр-адмирал запаса Веселов.

Те почтительно козырнули.

Телеоператор старательно снимал церемонию встречи.

- Российское телевидение, - бойко представилась девица с микрофоном, - вечерний выпуск новостей...

- В дороге поговорите, - не очень любезно возразил генерал Секачев, взглянув на часы. - Прощу, - он пригласил Отто и его спутника в автобус. Отто радушным жестом позвал девушку в сарафане: та быстро вошла в автобус. Все садятся в микроавтобус.

Кортеж покидает стоянку самолетов.

х х х

Отто с интересом смотрел в окно. Микроавтобус несся по рулежной дорожке аэродрома в Кубинке, мимо таких же, как в Германии, бетонных камуфлированных капониров... Мимо строя истребителей: летчики, стоящие возле них, почтительно отдавали честь...

- Какая программа у господина Отто? - спросила девица с телевидения.

- Гостиница, - ответил Секачев, - затем посольство Германии, наш офис: там встреча с журналистами. В 15-30 обед у вице-президента.

- Все так, - согласился Отто. - Вы ведь моряк? - обратился он затем к контр-адмиралу.

- Был, - ответил тот с грустной улыбкой.

- Воевали?

- Полтора года.

- А где, извините?

- На Балтике.

- Вы не могли бы мне помочь? - Отто достал из "дипломата" знакомые бумаги. - В списках, которые вы нам прислали, - продолжал немец, - есть (он развернул листки) Храмов Сергей Федорович... капитан 3-го ранга...

- Да. Так точно, - согласился контр-адмирал.

- Мне бы очень хотелось узнать о нем что-нибудь подробнее, если, конечно, можно, господин генерал, - Отто с надеждой посмотрел на Секачева. А тот на моряка.

- Его личное дело у нас, - ответил тот. - Не секретное. Я думаю, можно дать почитать.

- У меня только два дня... Когда это можно сделать? - спросил Отто.

- Сегодня же, - контр-адмирал посмотрел на Секачева: тот утвердительно кивнул.

- Храмов... Не на Севере воевал? - продолжал Отто.

- Не помню... Кажется, там... Да. Командовал эсминцем...

- Я буду ждать вас сегодня вечером, - сказал он затем моряку.

- Нет проблем, - ответил тот.

- Спасибо... Извините, господин генерал, за что у вас звезда Героя? - спросил он после небольшой паузы у Секачева.

- 44-й год. Разведка боем в районе действий дивизии "Мертвая голова". Захват передвижного штаба одного из батальонов этой дивизии.

- Было много пленных?

- Только шифровальщик и начальник штаба с их бумагами.

- А остальных?

Секачев промолчал.

- Это ваша самая дорогая награда?

- Нет.

- А какая же? - Отто внимательно разглядывал широкую орденскую колодку на тужурке генерала.

- Эта, - Секачев показал на одну из ленточек. - Медаль за победу над Германией.

Наступила неловкая пауза.

Отто серьезно отщипнул от каравая и без соли отправил кусочек в рот.

Оператор тут же вскинул свою камеру.

- Я готов, - сказал Отто девице с микрофоном.

- Вопрос номер один. Что вы привезли российским ветеранам войны, господин Отто? - она протянула микрофон к лицу немецкого миллионера...

х х х

Солнце зависло над широкой рекой, над лесом, что, на сколько хватало глаз, тянулся вдоль противоположного берега. Был конец дня. Тишь стояла необыкновенная и в ней отчетливо слышался негромкий глуховатый звук: дз-зы-ык... дз-зы-ык...

Небольшая деревня раскинулась над обрывом. Звук шел из одного из добротных домов.

х х х

Точнее - из-за открытой двери ладного сарая.

За ней - умело и сноровисто доил козу Сергей Федорович Храмов: в темно-синей майке с коротким рукавом, грудь которой украшала выразительная эмблема с надписью - ВОЗДУШНО-ДЕСАНТНЫЕ ВОЙСКА.

ЦЕНТРАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ.

Закончив дело, Храмов с благодарностью похлопал козу по бокам и, взяв небольшое жестяное ведро, вышел из сарая...

х х х

Пройдя просторный сад, грядки и теплицу, Храмов оказался перед террасой. Старательно вытерев ноги, он поднялся в дом...

х х х

И внутренний его вид говорил о том, что хозяйева очень любили порядок, а от него и необходимый достаток.

Вся кухонная мебель была самодельной: из натурального некрашеного дерева. Зато в двух комнатах - все, как у городских - не так, может быть, роскошно (а зачем, деревня ведь...).

На кухне Храмов взялся процедить молоко. В красивой деревянной клетке над окном щебетали два щегла. Из комнаты доносился звук телевизора. Здоровенный кот смотрел на Храмова с табуретки, что стояла рядом. Сергей Федорович налил ему в блюдце молока: кот степенно слез с лежана и начал есть. Храмов поставил молоко в холодильник, не забыв вынуть из него при этом два яйца и глиняную миску с салатом. Графинчик стоял в серванте. Там же Храмов взял красивую старинную рюмку цветного стекла. Все это он понес в комнату, где работал телевизор...

х х х

Шла программа вечерних новостей. Сев за стол, Храмов начал ужинать. Перво-наперво он наполнил рюмочку. Выпил, покосившись на красивый иконостас... Запил водочку сырым яйцом... И начал неторопливо есть салат. Ему на колени прыгнул кот.

- "Сегодня на военно-воздушной базе в Кубинке приземлились военно-транспортные самолеты из Германии с большим грузом гуманитарной помощи, которая предназначена для российских ветеранов войны, - объявила дикторша. - Груз сопровождает организатор этой

акции, известный германский промышленник господин Манфред Отто. Наши корреспонденты побывали в Кубинке. Вот их репортаж.

х х х

Мы вновь перенесемся в микроавтобус, в котором сидят Отто и сопровождающие его лица.

- Что вы привезли российским ветеранам, господин Отто? - спросила девица с микрофоном.

- Продукты, одежду, лекарства, инвалидные коляски, - ответил Отто.

- А кто получит гостинцы? - девица явно не собиралась симпатизировать акции немцев: это стало ясно после того, как она произнесла последнее слово - "гостинцы".

- Инвалиды войны, ветераны, - пояснил Отто.

- А вы не боитесь, что ваши великолепные поларки уйдут по другим адресам. Так ведь у нас уже было, - она снова взглянула на военных, Секачев согласно кивнул.

- Я здесь для того, чтобы этого не случилось, - с улыбкой ответил Отто. - Вся наша скромная помощь будет вручена исключительно тем, кто в этих списках, - немец раскрыл знакомые бумаги. - Хотите посмотреть? - он протянул девице бумаги.

- ... Простите, господин Отто, - продолжала девица, - почему вдруг такая нежная забота о наших ветеранах? Нет ли здесь чего-то личного? В смысле... Может быть, вы участник той войны... Тогда можно вас понять...

- Да. Я тоже воевал, - ответил Отто. - В Северной Атлантике.

- Авиация, корабли?

- Поездовые походы.

- Охота за конvoями, которые везли из Америки по ленд-лизу на русский фронт технику и боеприпасы? - неожиданно спросил контр-адмирал Веселов. - "Волчья стаи"?

- Да, противник нас так тогда называл, - чуть смущенно ответил Отто.

х х х

Услыша это, Храмов насторожился...

х х х

- Вы были матросом? - спросила девица.

- Я командовал одной из подводных лодок.

- Топили наши корабли?

- Я воевал.

- У вас были награды?

- Два рыцарских креста.

- О-оо, так, значит, вы настоящий ас? - не без иронии заметила девица, подмигнув контр-адмиралу.

- Как вам будет угодно, - Отто с достоинством улыбнулся, глянув на генерала Секачева.

- Ну, хорошо, - продолжала девица, - уже сегодня вечером о ваших подвигах узнают миллионы россиян. Узнают о них, я надеюсь, и те наши моряки, которые уцелели после ваших атак, выплыли... Вы уверены, что эти люди захотят взять у вас дармовые коляски, консервы, аспирин? Вель для них это самая настоящая подачка. Не иначе. Из рук побежденного врага.

Отто с улыбкой посмотрел на Секачева: мол, а вы что скажете, господин генерал? Вель, по-моему, этот вопрос больше к вам, нежели ко мне?

х х х

Храмов внимательно всматривался в экран, в лицо Отто.

- время - лучший лекарь, - продолжал Отто, заметив, что Секачев не спешил прийти ему на помощь. - И русская душа, насколько мне известно, скорее других забывает плохое и прощает. Я не прав,

господин генерал? - Отто снова посмотрел на Секачева. Бросив взгляд на помощников, генерал кивнул.

- Вы так свободно говорите по-русски, - девица была искренне удивлена. - Бизнес заставил выучить?

- Плен, - ответил Отто, глянув на Секачева.

- Вы были у нас в плену?! - снова удивилась девица.

- Семь с половиной лет, - ответил Отто.

- О-о! Вы не возражаете, господин Отто, если об этом эпизоде вашей жизни мы сделаем отдельную передачу?

- Я должен подумать, мадам, - ответил немец.

- Время нашего интервью в эфире очень ограничено, поэтому - последний вопрос. С чего начнется ваш первый рабочий день в России?

- Утром встреча с ветеранами, которые лечатся в одном из подмосковных госпиталей, - ответил Отто. - Затем - поездки по областным центрам вокруг Москвы.

Сюжет закончился и тут же на экране появился волосатый толстяк: он сидел в ванной - в смокинге с бабочкой, с банками иностранного пива в руках. Отбарабанив скороговоркой рекламу напитка, толстяк что есть мочи проорал: "Ну, оч-чень смешные цены!" И ушел с головой под воду.

Диктор продолжила обзор новостей.

Взволнованный Крамов вышел на террасу.

х х х

За ее распахнутыми окнами безмятежно текла большая русская река. Прижимаясь к обрывистому берегу (там глубже) по ней скользил трехпалубный красавец-теплоход. На его бортах, мачтах сверкали яркие лампочки, и усиленная мощными динамиками, била по военной глади и лесной тишине уже позабытая бонифомовская "Мама, бахама, мама".

На одной из палуб лайнера, оборудованной под танцплощадку, как ошпаренные, извивались около полсотни пьяных пар.

Но вот теплоход скрылся за речным поворотом.

И снова река, лес и небеса обрели свой первоначальный вид. Только еще отдаленно продолжала орать "мама, бахама, мама!"

Из сумрака как бы выплыло лицо Манфреда Отто: "Воевал... на флоте... В Северной Атлантике... командир подводной лодки... два рыцарских креста... Семь с половиной лет в плену..."

- Жив, значит, - тихо сказал Храмов.

х х х

А в то же самое время вице-президент России устраивал дружеский ужин в честь богатого немецкого гостя.

Небольшой банкетный зал был полон гостями. Кроме известных уже нам Секачева и Хофмана, на ужине были известные российские кинозвезды, а также близкие вице-президенту российские бизнесмены.

Гости переговаривались у роскошного шведского стола. Негромко играл эстрадный квартет. Одна из "звезд" рассказывала что-то веселое Отто и вице-президенту.

Миллионер протянул ей свою визитку. Изобразив бесконечное счастье, актриса спрятала карточку в сумочку.

- Всегда буду рад вас видеть, - сказал Отто.

- О-о, если бы это зависело только от меня! - "звезда" посмотрела с очаровательной улыбкой на вице-президента. - Мани-мани, - она "потеряла" пальцами и засмеялась.

- Через четыре дня мы возвращаемся в Германию на военных самолетах, - продолжал Отто. - Сочту за честь пригласить вас на борт одного из них.

- Какая прелесть! - взвилась от счастья актриса. - И парашют будет? Хотя с вами, Манфред, я готова и без парашюта!

- Любочка у нас без мужа, - серьезно заметил вице-президент.

- Ну, зачем же так сразу вылавывать все государственной тайны, Федор Федорович?! - "звезда" засмеялась. - Да, вот так! - она развела руками. - Не сложилось. Н-нда! - она схватила фужер с шампанским, который стоял на подносе, услужливо предложенном мужчиной-официантом с военной выправкой.

- Значит летим, Манфред? - спросила "звезда", сделав глоток. Я ведь девушка решительная. Раз - два - и в папках!

Вице-президент сделал кому-то еле уловимый жест.

- Летим, Люба, - Отто улыбнулся. - Слово джентльмена.

К ним подошел рослый мужчина.

- Извините, Любовь Сергеевна, - обратился он к актрисе. - Можно вас на минуточку.

- А по такое? - смешно отыграла "звезда".

- Там с вами телевидение хотело бы поговорить, - пояснил мужчина. Отто и вице-президент понимающе переглянулись.

- Эт-то мы можем! - обрадовалась "звезда", схватив под руку мужчину. - Нам это сейчас оч-чень нужно! Куда бежим?

Мужчина уводит "звезду".

К ним приблизился контр-адмирал Веселов: в его руках красивая папка.

- Прощу разрешения, - тихо сказал он вице-президенту, и, не дожидаясь ответа, протянул папку немцу. - Все, что вы просили. Личное дело капитана 3-го ранга Храмова. Подробности операции, в которой он участвовал.

- Не может быть? - удивился Отто.

- Кроме того, удалось также достать копию стенограммы совещания у Верховного Главнокомандующего.

- да что вы. Когда я должен вам все это вернуть, господин адмирал?

- Как управитесь, - ответил Веселов. - Здесь и адрес Храмова,

продолжал он, кивнув на папку. - Это под Костромой... У меня все, - Веселов посмотрел на вице-президента, - прошу разрешения...

Тот протянул ему бокал шампанского.

- Спасибо, - Веселов грустно улыбнулся. - Мотор, - он тронул сердце. - Ни капли.

- Ясно.

Веселов уходит.

И снова перед нами банкетный зал, гости вице-президента. Говорят, смеются, пьют, едят: все не наше, привозное. Слышая вице-президента, Отто поглядывал на папку, которую ему дал контр-адмирал Веселов...

х х х

Поздним вечером того же дня, в роскошной гостинице бывшего ЦК КПСС, совсем близко от Кремля Манфред Отто листал за письменным столом "люкса" личное дело Сергея Фёдоровича Храмова, а точнее - вчитывался в стенограмму важного совещания, которое в конце лета 1944 года проводил в своем рабочем кабинете Верховный Главнокомандующий Иосиф Сталин. Перед немецким миллионером несколько фотографий. На них - молодой курсант морского училища... лейтенант флота Храмов С.Ф. И, наконец, ходовой мостик боевого корабля, на котором стоит капитан-лейтенант Храмов. На четвертой фотографии - стремительно рассекал волны эскадренный миноносец "Разъяренный" с бортовым номером 330. Пятая фотография сделана то же в море. У ее борта несколько надувных плотов, в которые с палубы лодки садятся немецкие моряки. Корна субмарины закрыта густым дымом. На рубке подводной лодки ярко-белой краской выведен ее боевой номер - У-224. На шестой, последней фотографии, возле рубки стоял улыбающийся морской офицер с двумя рыцарскими крестами. К нижней части этой фотографии была приклеена полоска бумаги. Аккуратным почерком, по-русски, было написано: КОМАНДИР ПЛ У-224, корветтен-

капитан Манфред Отто. Июнь, 1944 год. База подводных лодок в Лориане.

Подойдя к широкому окну, за которым хорошо был виден Кремль и его церкви, Манфред распахнул створки.

Но тут в дверь постучали. На пороге стоял крепкий мужчина лет сорока: в темно-синей бубашке, в модном полосатом галстуке и светло-сером пиджаке, на лацкане которого висел значок депутата России.

- Слушай, друг, - сказал мужчина. - Извини, ради бога, - обложи пару стаканчиков. А лучше бужерчики, если есть. Друзья, понимаешь, а испить не из чего, - депутат был жарко навеселе.

Улыбнувшись, Отто взял из серванта три красивых бужера.

- А может, и ты с нами... По двадцать капель. А? - мужчина положил руку на плечо миллионера.

- А-а, - Отто засмеялся. - Нет, извините, дела.

- А-а, понял, понял. Но если что..., - депутат многозначительно подмигнул, - если решишься, мы через два номера. Только ничего не бери. У нас - все есть, мы тут одного крупного коммуягу натянули, ну и это дело, сам понимаешь, отметить надо как следует, он снова подмигнул и нетвердой походкой пошел по роскошному коридору гостиницы...

Отто закрыл замок и снова пошел к окну.

Кремль, искусно освещенный неярым светом прожекторов, сиял перед ним во всей своей красе и мощи.

И миллионер представил, как все начиналось почти полвека назад...

к к к

Квартира Отто на одной из военно-морских баз Германии. Лето 1944 года.

На кухне завтракал мальчик лет десяти - сын Отто, За ним вни-

мательно наблюдала молодая стройная блондинка. Это Рут — она помогает Отто вести хозяйство: словом, Рут — экономка.

— Разве ты недоволен тем, что теперь ты с папой живешь на военной базе? — спросила Рут.

— Ты сказала, что здесь есть львы, тигры и другие дикие звери, — недовольным тоном ответил мальчик.

— Здесь есть и львы, и тигры, а вчера в лесу около фермы фрау Рихтер я видела слона.

Мальчик фыркнул от смеха.

— ... Так, ты съел яйцо? — продолжала Рут. — Тебе пора в школу, уже почти десять часов.

Мальчик начал торопливо собирать в рюкзак книги.

Рут проверила, как он застегнул пуговицы, все ли он взял, поправила на нем воротник, провела своим гребнем по его коротко подстриженным волосам. Убедившись, что все в порядке, она кутливо приставила руку к виску и отчеканила:

— Все в порядке, герр корветтен-капитан. — Прощайся с папой.

Мальчик с важным видом взял под козырек и вышел. Рут достала из стойки второе яйцо и осторожно опустила его в кипящую воду. Она слышала, как закрылась входная дверь. Взглянув на себя в зеркало, Рут поправила волосы и позвала.

— Завтрак готов, герр Отто!

На кухню вошел Манфред: в форме корветтен-капитана, которая очень шла ему. Два черных престо украсили офицерский китель.

— Вы слышали проку, Рут? — спросил Отто.

— Я сказала вамему сыну, чтобы он был осторожен.

— Это ничего проку, — заметил Отто, она пройдет очень быстро.

— Конечно бы, — ответила Рут. Отто залезнул в кастрюлю. —

А где яйцо для вас, Рут? — спросил он.

— Их было только два, герр Отто. Куры плохо несутся.

- Тогда оно ваше, Рут, - он передал ей яйцо и с интересом стал смотреть, как она начала его есть. Рут подняла голову и улыбнулась. Она была очень красивой женщиной.

- Скажите, герр Отто, - нерешительно начала Рут, - а на вашей базе работают девушки?

Отто не засмаялся, он просто ответил:

- Там нет никаких девушек, Рут. Об этом можно только мечтать, добавил он шутливо, но, взглянув на девушку, заметил на ее лице слезы. Отто достал носовой платок и пошел к Рут. - В чем дело, Рут? Что случилось?

Рут подняла к нему свое лицо, и в этот момент Отто не удержался и горячо поцеловал ее.

- Я люблю вас, герр Отто, - тихо произнесла девушка.

Отто погладил ее светлые волосы и несколько раз щелкнул языком, надеясь, что эти звуки приостановят ее слезы.

- ... Я люблю, - повторила Рут. - Что делать, если я люблю вас?

- Во-первых, перестаньте сейчас же называть меня герр Отто.

- А что скажут люди? - тревожно спросила она. - Ведь прошло всего год, как погибла ваша жена.

- А вы думаете, на базе еще не сплетничают о нас?

- Сплетничают, - согласилась Рут, - но это не имеет значения. Я люблю вас.

- И я люблю вас, Рут, - медленно произнес Отто. - Я люблю тебя, Рут... Я хочу, чтобы ты вышла за меня замуж.

Рут умоляюще взглянула на Отто:

- Но ведь у меня есть родители, герр Отто. Вам надо им побывать, или же, по крайней мере, написать им.

- Я сделаю это сегодня же, - ответил Отто. Он вынул шпильки из ее волос, они рассыпались, и ее лицо в их обрамлении стало еще

красивее.

Рут улыбнулась, поцеловала его, и он медленно увлек ее в спальню...

х х х

- Ты знаешь, - прошептала Рут, - я видела эту комнату тысячу раз с самых разных мест... Я видела ее даже из-под кровати, когда забиралась туда, протирая пол... Но мне и в голову не приходило, что я когда-нибудь увижу эту комнату из такого положения.

- Отныне ты будешь видеть эту комнату из такого положения так часто, как тебе захочется, - сказал Отто, улыбнувшись.

- О, я всегда буду хотеть видеть ее отсюда, - сказала Рут очень серьезно. - Герр Отто, - прошептала она снова, - я теперь всегда буду спать в этой кровати?

- Всегда, - ответил Отто. Рут крепко обняла его, прижалась к его сильной руке и тихо заплакала. Отто взял сигарету и закурил.

- Ты всегда будешь добрым и ласковым со мной, Отто? - спросила Рут, подняв глаза.

Он поцеловал кончик ее носа:

- Доброта в мужчине - это такое качество, которым восхищаются лишь немногие женщины, особенно среди молодых и очень красивых.

- Я всегда буду восхищаться тобой, Отто... Она потянула руку к мундику Отто (он висел на стуле возле кровати), потрогала один из двух рыцарских крестов. - Расскажи мне о твоих крестах, - попросила она. - За что они?

- За убийство, - ответил Отто, взглянув на часы. - А ведь мне пора, - чуть виновато прошептал он.

Неожиданно комнату осветило ярким красным светом.

- Одна тысяча, две тысячи, - отсчитывала Рут. - Гроза в четырех километрах от нас, - сказала она, когда прогремел гром.

Шума пожара пока еще не было слышно.

Отто начал олевататься.

- А ты знаешь, как определить, далеко ли гроза? - спросила Рут, с улыбкой наблюдая за Отто.

- Да, но это неточно, - ответил Отто. - Ну вот, я и готов, - сказал он затем нагнувшись, чтобы поцеловать Рут.

- Мы будем очень ждть тебя, - ответила она, обняв Отто. - Я и твой сын.

- Мы обвенчаемся, как только я вернусь из этого похода, - ответил Отто.

- Он очень опасен?

- Как и все, что были.

- Ты будешь далеко отсюда? - спросила Рут, когда Отто уже выходил из спальни. Отто приложил палец к губам и осторожно огляделся, но Рут увидела на его лице чуть заметную улыбку. - Возле Норвегии. Но это большая тайна рейха. Красиво козырнув, Отто уходит. И снова за окном ярко полыхнула молния. Рут снова начала считать, но ее прервал глухой раскат грома...

х х х

Отто закрыл красивую чугунную калитку, за которой стояла его скромная, в старинном стиле, одноэтажная вилла.

Неширокая чистая асфальтированная улочка, застроенная одноэтажными домами, была пустынна. Снова вспыхнула молния и ударил гром: над самой головой. Отто обмянулся на виллу: Рут стояла у окна, улыбаясь. Кивнув ей, Отто взглянул на часы и, поняв воротник форменного полковника, быстро зашагал по улочке.

- И вы не будете ждть автобуса, герр Отто?! - окликнула его пожилая женщина, закрыв калитку соседней виллы. - В такой-то дождь?

- Я обгону его, фрау Геншер, - Отто улыбнулся, - до базы не более десяти минут.

Позади них на улочке появилась легковая машина: ни Отто, ни фрау Геншер ее не видели.

- Тогда торопитесь, - женщина пыталась раскрыть зонтик. Отто взялся ей помочь. "Оппель" бесшумно остановился возле них: из открывшейся двери на Отто и фрау Геншер смотрел контр-адмирал.

Увидев его, Отто встал по стойке "смирно".

- Я за вами, Манфред, - серьезно произнес контр-адмирал.

Коснувшись, Отто сел в машину. Она покидает улочку...

И тут же пошел дождь. Фрау Геншер торопливо выинулась следом за машиной...

х х х

- Сам ничего не знаю, Манфред, - мрачно сказал контр-адмирал. Адмирал Дениц позволил мне из Берлина десять минут назад. Самолет за нами, - он глянул на часы, - уже садится.

- А как же мой выход, господин адмирал? - спросил Отто.

- Повторяю, Манфред, - я ничего не знаю... Он протянул Отто раскрытый портсигар...

х х х

Двухмоторный "юнкерс" уже ждал их на аэродроме военно-морской базы.

Шедлер и Отто быстро поворачиваются в лок самолета.

"Юнкерс" начал разбег... И быстро скрылся в пелене сильного дождя...

х х х

Рут отошла от окна. В небольшом уютном кабинете она достала из книжного шкафа атлас... Раскрыла его там, где была карта Норвегии...

х х

Манфред Отто, отложив личное дело капитана 3-го ранга Сергея Федоровича Храмова, и, закурился, снова вышел на ложку.

х х х

Москва затихала. Уже почти не шумели машины на Троицком мосту, зато купола Кремлевских храмов горели еще ярче и рядом с ними нелепыми казались красные точки пятиконечных звезд.

Окна одной из соседних лоджий ярко светились и оттуда слышно было, как несколько мужских голосов громко подпевали Владимиру Высоцкому: "Где твой семнадцать лет? На Большом Каретном! А где твой семнадцать бе? На Большом Каретном! А где твой черный пистолет? На большом Каретном! А где меня сегодня нет? На Большом Каретном!"

На лоджию выскочила разомлевшая молодая женщина, а за ней депутат (он просил у Отто дужеры). Женщина, изображая испуг, прижалась к перилам лоджки.

депутат с улыбкой приблизился к ней. женщина повила руки, растопырив пальцы с длинными перламутровыми ногтями, — как кошка, готовая защищаться. Но затем порывисто обняла депутата, вытиснула в него губами, тихо застонав. Отто видел, как рука депутата скользнула под платье женщины, обнажив ее бедро в цветастых полчишках, и тут, краем глаза, женщина увидела Отто: тот ушел с лоджки. Женщина отпрянула, поправила платье.

— Ну, ты чего? — недовольно спросил депутат, глянув на соседнюю лоджию.

— Там... мужик какой-то... подглядывает.

— Да пошел он, — депутат снова двинулся на приступ...

х х х

Вернувшись к письменному столу, Отто раскрыл ту страницу в деле Арамова, где были фотографии повзвонной лоджки и ее командира, — то есть капитан-лейтенанта Мандрева Отто.

И снова вспомнил...

х х х

Ставка Гитлера в Берлине. Кроме хозяина громадного кабинета с большой картой Северной Атлантики, за столом сидели: Геринг, адмирал Дениц, контр-адмирал Шефллер и Манфред Отто. Гитлер изучал карту, лежащую у него на столе, слушая при этом, что говорил собравшимся начальник разведки — немолодой генерал сухопутных войск.

— Агенты в лондонском адмиралтействе и Москве тщательно проверили эту информацию. Разговор Сталина с Черчиллем, действительно состоялся два дня назад. Сразу же за этим морской министр Британии приказал командующему морской группировкой в Мурманске срочно установить на одном из русских боевых кораблей новейшие реактивные бомбометы и радиолокатор. Кроме того, англичане по своей инициативе поставят на этом корабле новую гидроакустическую станцию, вследствие чего корабль сможет быстро находить наши подводные лодки. Сегодня утром, мой фюрер, мы получили из Мурманска еще одно сообщение...

Оторвав взгляд от карты, Гитлер посмотрел на начальника разведки.

— ... Вчера вечером английский фрегат "Принц Эдуард" сменил место стоянки в базе Полярный и пришвартовался к группе русских эсминцев в базе Вайенга. На борту "Принца Эдуарда" только что поставили новый бомбомет, локатор и акустическую станцию. По мнению разведки, именно с этого фрегата русским будет отдано это оружие. Кроме того, Вчера поздно вечером штаб Северного флота отдал приказ группе катеров и транспортов срочно готовиться к выходу в море.

Гитлер оглядел сидящих за столом офицеров.

— Вы уверены, что торпеды, детали ФАУ-2 и чертежи проекта "Лафференц" русские переправят в Англию исключительно морским путем? — спросил он.

— Теперь да, мой фюрер, — первым ответил генерал.

- Перебросить груз самолетами русские, я уверен, не решатся, - сказал Геринг, - мы пока полностью контролируем всю воздушную зону через Европу в Англию: от Африки до Норвегии.

- Ваше мнение, Дениц, - Гитлер подошел к карте на стене. К ней приблизился и адмирал Дениц.

- Русские, мой фюрер, срочно готовят конвой, среди которого будет и корабль с этим грузом. Конвой пойдет в Англию в самое ближайшее время. Я уже приказал подводным лодкам, действующим у островов Новая Земля и Диксон срочно подойти как можно ближе к Мурманску, - все это адмирал Дениц показал на карте, - чтобы контролировать движение этого конвоя.

- Сколько наших лодок будет участвовать в этой операции? - спросил Гитлер.

- Двенадцать, - ответил Дениц. - В их составе опытейшие командиры, мой фюрер, - продолжал Дениц.

- Кто же? - спросил Гитлер.

- Ваши любимчики, - с нескрываемой ревностью ответил Геринг, - Прин, Шепке, Кречмер.

- Да, Герман, - Гитлер задумчиво смотрел на карту. - Я стал больше любить моряков, чем летчиков. - Прин, Шепке и Кречмер - это асы... У каждого из них по два рыцарских креста... Разве это о чем-то не говорит? - Гитлер подошел к Отто: тот мгновенно вытянулся.

- Отряд из трех подводных лодок, которыми будет командовать корветтен-капитан Отто, займет самый ответственный рубеж: вдоль всей линии остров Медвежий - северная оконечность Норвегии, - Дениц показал на карте эту линию. - Задача отряда - немедленно топить любую плавающую цель. Бочка, бревно, спасательный круг, которые окажутся на этой линии, - адмирал снова провел указкой по карте, будут расцениваться как невыполнение приказа, со всеми вытекающими

отсюда последствиями и с учетом военного времени... Вам ясна задача, Отто?

- Так точно, господин адмирал.

- Вы - один из лучших моряков рейха, Манфред. На Севере вы с первых дней войны... Вам известны все повадки русских, английских и американских кораблей охранения... До сих пор ни одна цель не могла уйти от вас... И теперь, Манфред, нужно сделать все, чтобы ни один корабль из этого конвоя не прорвался в Англию. Нельзя, чтобы и у Черчилля были наши важнейшие секреты.

Несколько секунд Гитлер пристально смотрел на Отто. А затем, улыбнувшись, осторожно хлопнул моряка по плечам: Ну, удачи!

х х х

Подводная лодка с бортовым номером У-224 и под флагом гитлеровской Германии выходила из скалистой бухты в открытое море.

х х х

На ее ходовом мостике стояли Манфред Отто и его ближайшие помощники: вахтенный офицер, сигнальщик - все в непромокаемых куртках с капюшонами.

Сильный дождь скрывал горизонт. Посмотрев на часы, Отто оглянулся на вход в базу подводных лодок: буксир закрывал боновое ограждение: своеобразные ворота военно-морской базы. Следом за У-224-й шли еще две.

- Все вниз! - скомандовал Отто. - Погружение!

Первым в узкий рубочный люк, как в колодезь, нырнул сигнальщик. За ним исчез Отто. Последним рубку покинул вахтенный офицер. Круглый толстый люк тут же плавно опустился, бесцельно повернулась его круглая ручка...

х х х

Одна за другой лодки, зарываясь носом, уходили под воду...

И вот уже на поверхности остался лишь штырь перископов, тяну-
щиеся за ними пенистые буруны...

х х х

Ну, а мы, вернувшись в московский отель, застаем Манфреда Отто
на кровати: в одежде, поверх покрывала. За стеной громко разгова-
ривали подвыпившие депутаты.

Зазвонил телефон, и Отто снял трубку.

- Извините, господин Отто. Это генерал Секачев, - услышал
он голос. - Не разбудил?

- Я жду вашего звонка.

- Значит так... Машина будет у вас к 9-00. Храмов на месте.
Вас будут встречать. К сожалению, я не смогу быть с вами. Но ми-
нистерство обороны дает вам сопровождающего.

- Спасибо, господин генерал, - обрадовался Отто.

За стеной включили магнитофон. Шел Андрей Миронов: "А-аа
бабочка крылышками бяк-бяк-бяк, а за ней воробышек прыг-прыг-прыг".

- У вас гости? - спросил генерал.

- Радио.

- Ну что? Тогда спокойной ночи, - закончил Секачев.

- Спасибо, всего вам доброго!

- А в госпиталь к инвалидам поедим послезавтра, - ответил
Секачев.

- Хорошо, - дождавшись коротких гудков, Отто положил трубку,
и, снимая рубашку направился в ванную...

х х х

Раннее утро следующего дня застало Сергея Федоровича Храмова
в лодке на широком плесе: он сматывал рыболовные кружки. В плете-
ной корзине среди травы лежали несколько крупных щук и окуней.

Над деревней занималась заря. День обещал быть жарким, об
этом говорил и туман, что стелился над плесом.

Выбрав последний кружок, Храмов неторопливо направил лодку к берегу. Он смотрел на плес, который от первого утреннего ветра быстро закрывал туман...

И оттуда, как из-за занавеса, громче и громче звучало:

- Экипаж эскадренного миноносца "Разъяренный" с честью выполнил важное задание Родины! Миноносец охранял группу транспортных кораблей, которые пришли к нам из далекой Америки и Англии!

х х х

Голос принадлежал крепкому молоджавому контр-адмиралу: он стоял на сцене гарнизонного клуба. Перед контр-адмиралом полный зал - моряки, их семьи.

- От имени командования Северного флота, - продолжал оратор, - политотдела и от себя лично поздравляю экипаж "Разъяренного", его командира, капитан-лейтенанта Храмова с благополучным возвращением.

Все радостно захлопали. Капитан-лейтенант Храмов поднялся со стула (так захотел вице-адмирал).

- ... Я рад приветствовать и наших дорогих гостей, - продолжал контр-адмирал, - экипаж английского торпедного катера "Бобер", который также охранял конвой союзников. Огнем своего оружия наши боевые друзья уничтожили за время похода два фашистских самолета!

Зал взорвался аплодисментами.

- ... Торговые корабли доставили в нашу страну бесценный груз: бензин, снаряды, медикаменты, продукты, одежду! Все это очень нужно сейчас фронту!

Как один со стульев поднялись рослые и крепкие английские моряки и так же дружно прокричали:

- У короля много! У короля много!

Зал неистово и радостно захлопал.

- ... Командир торпедного катера мистер Маклин, как и его ге-

роический экипаж впервые на нашей земле! Надеюсь, что им у нас понравится. А мы приложим для этого все наши усилия. Верно, товарищи!?

Снова раздались дружные аплодисменты...

Англичане уселись, кроме одного - широкоплечего, красивого офицера. Это и был командир торпедного катера "Бобер" Дэвид Маклин. Он поклонился...

- ... Командующий флотом распорядился, - продолжал контр-адмирал, - предоставить экипажу "Разъяренного" неделю отдыха! Я желаю, чтобы он был по-настоящему хорошим! Еще раз - со счастливым прибытием, товарищи! - контр-адмирал радостно захлопал. Зал поддержал его дружно и весело.

- А сейчас - концерт в честь победителей! - закончил оратор. и ушел со сцены.

Вместо него появилась женщина в нарядном платье. - Открывает концерт Маша Чувашова! - она захлопала.

На сцену вышла уверенно девочка лет семи:

Она поклонилась и тут же, прервав раздавшиеся было аплодисменты, начала читать:

"Забрал мороз окошко серебряным щитком!

В печи стоит картошка с топленным молоком!

Мы сядем есть картошку с топленным молоком!

Возьметса мать за ложку, да и вздохнет тайком!

Вздохнет, а это значит, ей горше с каждым днем!

Она так часто плачет о брате о моем!

О том, который в море давно уже в бою!

Воюет на линкоре за землю за свою!

За наш колхоз, за речку, за вербу у плешня!

За дом, за эту печку, за маму, за меня!

Девочка поклонилась и тут же убежала со сцены.

Гром аплодисментов всколыхнул зал. Храмов протянул руку сидящему за его спиной офицеру - отцу девочки. Поздравляли моряка и другие. Храмов покосился на англичан: переводчик пересказывал смысл стихотворения... Они дружно захлопали.

И тут Храмов увидел девушку. Она стояла возле сцены: красивая, с тугой косой, которую она нервно теребила. Их взгляды встретились. Храмов сделал очень серьезное лицо. Девушка фыркнула от смеха и тут же сказала что-то на ухо подружке. Обе смотрят на Храмова.

- Следующим номером нашей программы, - продолжала женщина со сцены, - выступление воспитанников второго дивизиона тральщиков. Шуточная песня катерников. Слова и музыка народные! Баянист - Сережа Файнизов!

На сцену вышли четверо мальчиков в морской форме. Один из них держал баян. Сев на табуретку, которую он принес с собой и приладив ремни баяна, Сережа взглянул на товарищей: один из них чуть заметно кивнул. Сережа проиграл вступление, и трое юнг дружно запели:

"В матросском нашем кубрике, среди веселой публики, садимся на досуге мы за стол! И кости вынимаются, и с громом забивается морской и знаменитый наш козел!

Забьем, забьем козла братишки! Забьем само-собой!

Эх, стукнем раз, стукнем два. Точка! Забой!

Зашла по морю рыская подлодка к нам фашистская, и катерники встали от стола! Ну, что ж - сыграем партию, теперь игру азартную, германского подводного козла!

Забьем, забьем козла браточки! Забьем само-собой!

Эх! Стукнем раз, стукнем два! Точка! Забой!

Сосед Храмова тронул его за плечо и когда тот повернулся, кивнул в сторону. У стены, рядом с девушками, стояла женщина -

завклубом: она звала Храмова. Тот поднялся.

- Девочки сказали, что у вас есть замечательный номер, - тихо сказала завклубом.

- Какие девочки? - удивился Храмов.

- Саша и Клава.

Девушка с косой ждала, что ответит капитан-лейтенант.

- ... Саша согласна вам помочь, - продолжала завклубом.

Храмов посмотрел на девушку с косой. Та, не выдержав взгляда офицера, опустила глаза: Храмов явно нравился девушке.

- Вы Саша? - спросил он вторую девушку.

Та засмеялась, глянув на подругу.

- Моряк Храмов, - представился он.

- Саша, - девушка протянула руку.

- Очень приятно, - ответил Храмов, задержав руку девушки в своей.

- А я - Клава, - представилась Сашина подруга.

- Так про какой это номер вы говорили? - спросил Храмов, покосившись на зрительный зал: офицеры его корабля многозначительно поглядывали на командира, одобрительно улыбаясь и подмигивая. Храмов заметил, что и англичане посматривали на них. Чаще других смотрел командир "Бобра" Дэвид Маклин.

- Мы слышали вашу песню, - ответила Клава, - записали ее слова. Спойте ее сейчас.

- С вами? - спросил Храмов.

- С ней, - показала на Сашу подруга.

Храмов посмотрел на Сашу. Та смущенно улыбнулась.

- А баян есть? Я свой на корабле оставил.

- Найдем, товарищ капитан-лейтенант, - вступила в разговор завклубом. - Можно объявить?

Храмов ждал, что скажет Саша. Та кивнула, еще раз взглянув

на Храмова.

- Откуда вы, девочки? - спросил Храмов.

- Из Вологды, - ответила Саша. - Мы с Клавдией...

- Кончили курсы радистов и попросились к морякам, - ответила

Клава. - В штабе флота на узле связи сидим. Вас слушаем.

Храмов снова покосился на своих: там одобрительно кивали.

Не сводил глаз с певушек и Дэвид Маклин.

Это увидала и Саша.

- Храмов. А вы действительно хороший моряк? - спросила она.

- Говорят,

- ... А эта наколка, - Саша кивнула на руку Храмова: между большим и указательным пальцем на- татуировка: якорь и буква В. -
У всех хороших моряков?

- Да нет, - Храмов немного смутился. - Это грехи молодости.

- А буква... Чье-то имя? - попыталась Саша. - Вера?

- Валя, - ответил Храмов.

Саше такой ответ не понравился. Храмов заметил это.

- Не красиво, да? - спросил он.

- А мне все равно, - ответила Саша.

- Тогда завтра же выжгу каленым железом, - он посмотрел на татуировку, на Сашу. Их взгляды встретились.

- Зачем? - спросила девушка.

- Чтоб все забыть...

- Не надо... Пусть останется, - попросила серьезно Саша. -
Железом вещь... больно...

- Есть баян, - сказала подойдя за клубом, - даже два. Когда бы вы хотели выступить?

Храмов посмотрел на Сашу.

- Давайте в самом конце. Хорошо? - предложила девушка.

- Есть, - ответил Храмов. Он направился к своим орлам, огля-

диваясь на Сашу. Та шепталась с подружкой.

Прежде чем сесть, Храмов снова посмотрел на англичан. Дэвид Маклин показал ему большой палец, а потом жестом дополнил - О'кей!

х х х

В тот же самый час на флотском военном аэродроме шла своя жизнь. В стороне от других самолетов стоял двухмоторный "Дуглас", а рядом с ним два "студебеккера". Вокруг самолета было выставлено оцепление: шесть автоматчиков в форме НКВД. Несколько моряков осторожно укладывали в кузов "студебеккера" длинный темно-зеленый ящик. Другой такой же ящик моряки вытаскивали из люка "дугласа". Наблюдал за работой армейский полковник.

- Ну что?! Все?! Евтухов! - крикнул он.

- Так точно! - ответил капитан-лейтенант.

- По машинам! - приказал полковник автоматчикам.

Те быстро забираются в машины.

Полковник сел рядом с моряком-водителем.

- Шестой причал, - приказал ему флотский капитан-лейтенант.

"Студебеккеры" трогаются с места.

- Не гони. Понял? - мрачно приказал полковник водителю.

Тот коротко козырнул...

х х х

Кабинет командующего Северным флотом адмирала Головки. Кроме него здесь начальник штаба флота, начальник разведки, генерал-майор морской авиации и генерал-лейтенант из Генерального штаба. Видно, что сидят здесь давно: полная пепельница, морские карты...

Головка разлил из большого электрического чайника крепкий чай в стаканы с красивыми подстаканниками. На отдельном столике стояла ваза с печеньем, бубликами, конфетами.

Начальник штаба сидел прижав к уху телефонную трубку: ждал,

когда ему ответят.

- Так... Ну? Что. Тоже не готов? - спросил он и взглянул на Головко, произнес: - "Разумный", - и покачал головой... Когда? - это начштаба спросил уже у собеседника на другом конце телефонного провода. - Через двое суток? - он посмотрел на Головко.

- Все надо отправить завтра же, - заметил генерал из Москвы. Головко кивнул.

- Ясно... Значит... остается только "Разъяренный"?, - начштаба посадно поморщившись, положил трубку.

- Прощу, - Головко пригласил всех к столу.

- Эсминец "Разъяренный", товарищ командующий, - чуть виновато сказал начштаба. - Все остальное... В ремонте...

- "Разъяренный" только что вернулся из похода, - возразил Головко.

Начальник штаба промолчал.

- Так, друзья мои, решайте все поскорее, - генерал глянул на часы. - Через двадцать минут мне докладывать начальнику Генштаба о вашем решении... Кто пойдет персонально? Когда? Все под контролем Верховного - учтите, - генерал разломил щипчиками кусок рафинада.

Головко снял трубку телефона.

- Оперативный, капитан I-го ранга, - представился голос, - слушаю, товарищ командующий.

- Капитан-лейтенанта Крамова ко мне, - приказал Головко, положив трубку.

- Есть, товарищ адмирал, - ответил дежурный.

В дверь кабинета постучали и тут же вошел рослый подтянутый мужчина лет сорока в форме капитана первого ранга английских ВМС. Он лучезарно улыбался.

- Прощу добро... да? На заход... в базу, - произнес он с

акцентом.

- Здравствуй, Джорж, - Головко шагнул ему навстречу. - А у нас и чаек готов.

- Чай... не водка, да? Много не выпьем. О, кей? - англичанин был счастлив, что безошибочно произнес русскую поговорку. И в тот же миг из его кармана появилась бутылка виски, которую он поставил на столик рядом с чаем.

- Генерал Самохин из Москвы, - представил Головко генерала. - Капитан первого ранга Дуглас - командующий отрядом английских кораблей. Мой друг и помощник.

Дуглас пожал руку Самохина.

- У меня есть корабль сопровождения, - сказал Дуглас...

х х х

На сцене клуба Храмов и Саша. В руках командира "Разъяренного" баян:

"Небо голубое, шаловливая волна, - поют они, - время золотое, двадцать первая весна. Где на пляже двое, неизбежен там роман.

Спорили с волною: красавица и капитан.

Прыгали, ныряли, познакомились в воде. Капитан едва ли мог подумать о беде. Девушка оделась, на нее он бросил взор.

Смелость вся пропала - красавица была... майор.

Ах, простите, я не знал, - запел Храмов.

Понимаю, капитан.

Я пред вами был нахал.

Я прощаю капитан. О свиданьи вас просил, ну, и что же, капитан? Я, конечно, пошутил... Очень жалко, капитан...

Небо голубое, шаловливая волна, - снова запели они вместе.

Время золотое, двадцать первая весна...

Храмов играл, глядя на Сашу. Из-за кулис на него смотрел

капитан 3-го ранга с повязкой дежурного: он звал Храмова, постукивая по циферблату. Храмов закончил играть. Зал взорвался аплодисментами. Храмов и Саша поклонились. Взяв девушку за руку, он повел ее за кулисы.

Зал кричал "браво", "бис".

Храмов с улыбкой смотрел на Сашу.

- Срочно в штаб флота, Серега, - негромко сказал ему дежурный, хлопая вместе с залом. - Командующий вызывает.

Храмов все еще был мысленно с Сашей на сцене.

- ... Давай резко... Машина ждет.

- Даже так, - Храмов сразу же стал серьезным. Быстро сняв баян, он отдал его завклубом.

- Вечером у нас... праздничный ужин, - Храмов смотрел на Сашу. - Разрешите вас пригласить.

- А Клава?

- Конечно, - Храмов улыбнулся.

- Хорошо, спасибо. Мы обязательно придем.

- Вы в общежитии живете?

- Нет, у одной бабули... комнату снимаем... Железняк, шесть, знаете?

- Я зайду за вами, - Храмов взглянул на Часы, - в восемнадцать тридцать.

- Будем ждать! - радостно заявила Клава.

Храмов и дежурный уходят. И тут же появился Дэвид Маклин: он держал в руках бутылку вина, цветы и шоколад. Улыбаясь, он протянул подарки Саше...

х х х

И снова кабинет командующего северным флотом.

Там были, по-прежнему, те, кого мы видели несколько минут назад: адмирал Головка, начальник его штаба, начальник разведки,

генерал-лейтенант Самохин, капитан I-го ранга Дуглас и армейский полковник: он принимал у летчиков груз. Перед ними, посреди кабинета - капитан-лейтенант Храмов.

- Трое суток туда, - сказал Головко.

- ... Неделя хорошего отдыха в Гавре, - добавил с выразительным жестом Дуглас. Храмов улыбнулся.

- И все, - закончил Головко. - После этого обещаю не трогать твой экипаж... ровно две недели.

- Я и корабль готовы, товарищ командующий, - ответил Храмов. - Но экипаж... Вы знаете... На последнем переходе два таких шторма... Восемь атак с воздуха... шесть раз... лодки... Люди падают, товарищ адмирал... Хотя бы пару дней. На отсып...

- Нет, подождите, - недовольно вмешался в разговор генерал Самохин, - вы что, не понимаете, о чем идет речь? - он глянул на Головко: тот мрачно смотрел в окно. - Это приказ, товарищ капитан.

- Капитан-лейтенант, - поправил его Храмов.

- Да вы хоть знаете, кто стоит за этим приказом и какой груз вам надо как можно скорее доставить в Англию? - Самохин снова посмотрел на моряков, ожидая поддержки. Но те молчали. Заметив это, Храмов усмехнулся: понял, что объясняться с генералом из Москвы ему придется в одиночку. Дуглас дипломатично листал морской атлас.

- Вы что-то еще хотите сказать? - сердился Самохин. - Или, как положено офицеру, будете, наконец, выполнять приказ?

- Я хочу, товарищ генерал, чтобы вы знали, что такое февральская ночь между Норвегией и островом Медвежий, - спокойно ответил Храмов.

Самохин снова бросил взгляд на моряков: те молчали...

- Сейчас лето... Ну, хорошо. И что же это за ночь? - спросил он, закуривая.

- Это тридцать градусов мороза, а море не сковано льдом, оно парит, - продолжал Храмов, - а с Северного полюса или Гренландии дует ветер, пронизывающий до костей. Это палуба корабля, покрытая слоем льда в несколько тонн... А знаете ли вы, товарищ генерал, что значит не спать несколько дней подряд? Каждая клетка вашего мозга напряжена до предела... Вы находитесь как бы на грани сумасшествия. Это самая страшная пытка. И человек готов отдать все, лишь бы забыться и уснуть... А качка? Каждую минуту, каждый час, каждый день... Месяцами. И это, когда вокруг тебя каждый день тонут корабли, гибнут люди. Я могу показать вам десяток парней, превратившихся здесь за три перехода в стариков. А вы знаете, товарищ генерал, что после каждого такого перехода многих из нас отправляют в больницу... В психушку.

- Ну хватит, Храмов, - остановил его Головко. - Все равно... Тебе придется идти... Дай мне список тех, кто, по-твоему, нездоров или сильно устал... Соберем для тебя людей с других кораблей...

- Я пойду только с моими людьми, товарищ командующий, - решительно ответил Храмов. - Или совсем не пойду. Пусть другой...

- А я и не знал, что на флоте... Принято обсуждать приказы... Да еще в военное время, - заметил Самохин.

- Ну да, - Храмов усмехнулся, - в армии ведь... командир сказал хорёк и никаких сусликов?

Самохин мрачно смотрел на Храмова.

- Хм... А где же ваши боевые награды? - спросил он.

- Ладно, Храмов, - сказал Головко, глянув на часы. - В ноль пять пятнадцать в море выходит ложный конвой. Вы снимаетесь в семь тридцать. Маршрут перехода получите перед выходом.

- Есть. Я иду без прикрытия, товарищ командующий?

- С вами будет наш торпедный катер, чиф, - сказал Дуглас. - Лучший экипаж, да? Он подчиняется только вам.

- Понял.

- Вопросы, Храмов, - спросил Головко.

- Как насчет маскировки, товарищ командующий?

- Этим займется полковник Трошин, - начальник разведки флота сделал жест в сторону армейского полковника.

Тот кивнул Храмову.

- ... Ему же поручена охрана груза, - продолжал начальник разведки.

- Я пойду с вами, Храмов, - сказал полковник.

- Есть, - мрачно ответил Храмов. - И еще... Бомбомет и лока-
тор.

Головко посмотрел на Дугласа.

- Команда фрегата "Принц Вэльский" уже получила мой приказ, -
ответил англичанин. - Ставить бомбомет и локатор мои люди начнут
немедленно.

- Ясно, - Храмов взглянул на часы. - Разрешите идти, товарищ
командующий.

- Момент, Храмов, - остановил его Самохин. - Знаете, какой
груз вы должны доставить в Англию?

- Никак нет, - ответил капитан-лейтенант.

- И не спросите?

- Чем меньше знаешь, тем лучше спишь, - ответил Храмов.

- Ваш переход - под особым контролем Ставки Верховного Глав-
нокомандующего, - продолжал Самохин. - Груз - детали и чертежи
новейшего немецкого оружия: самонаводящихся торпед, ракет ФАУ-2
наземного и морского базирования. По приказу товарища Сталина
вы должны доставить все это нашим союзникам... Вам понятна мера
всей вашей ответственности, Храмов?

- Так точно.

- Ну-ну... Посмотрим, - ответил Самохин. - У меня все.

Четко сделав кругом, Храмов уходит. Следом за ним вышел и полковник Трошин.

- А получше командира вы не могли найти? - спросил Самохин, недовольно придавив окурок в пепельнице.

- Храмов... Моряк, - ответил Головко.

- И ни одной награды, - продолжал, усмехаясь, Самохин.

- Отобрали, - ответил Головко. Прежний командующий... И в звании понизили.

- За что же?

- Подводную лодку таранил... Можно было расстрелять из орудий, а он... полный вперед... И пополам... Эсминцу полноса оторвал, лишил флот боевой единицы... на две недели... пока нос латали.

- Горячий.

- ... Эта лодка утопила транспорт; а потом всплыла и ударила из пулеметов по шлюпкам... плотам... А там, кроме раненых, женщины, дети... Вот Храмов и психанул... Вытащил ее на верх глубинными бомбами. А потом... Резанул...

- Ну, я же не знал, - генерал виновато развел руками.

- Ничего, наверстает, - заметил Головко.

- Да-а... Если сработает в срок и без потерь... Вполне могут дать Героя, - согласился Самохин...

х . х . х

Храмов быстро шел по узкой улочке, по обеим сторонам которой стояли рубленые и щитовые дома. Улица носила имя Железняка. Возле дома с номером 6 Храмов остановился. Калитка была открыта. За ней Храмов увидел на крыльце Сашу и Дэвида Маклина: англичанин явно стремился попасть в дом. Саша с улыбкой качала головой. И тут она увидела Храмова. Заметил его и Маклин: англичанин тут же решительно нажал на дверь, но Саша с улыбкой перехватила ручку.

- Заходите! - позвала она Храмова.

- Да нет, - скорее самому себе сказал Храмов, прикрыв калитку: он был сейчас очень зол - срывался отдых, срывалась встреча с девушкой, а тут еще этот англичанин... - Эй, чиф! - позвал он Маклина.

Тот с улыбкой оглянулся. - Я?!

- Да! Да! Ты... Иди сюда... Плиз! Едрена вошь... куда ползешь. Саша растерянно ждала. Маклин направился к калитке.

- Храмов! - позвала Саша.

- Не судьба! - ответил тот. - Как-нибудь в другой раз!

- Храмов! Ну что вы, на самом-то деле?! - Саша чуть не плакала. - Как вам не стыдно?! Это же глупо!

Маклин вышел за калитку: он был на голову выше Храмова.

- Вы не офицер, Храмов! - продолжала с обидой Саша. - Вы же дали слово!

- Обратный ход, кэп?! - с сильным акцентом сказал Маклин и засмеялся. - Пойдем выпьем, - он хлопнул Храмова по плечу. Тот резко сорвал руку англичанина, - Пошел ты...

Саша бежала к калитке.

- Вы что?!... Прекратите! Сейчас же!

- Ноу, - Маклин схватился за ручку калитки, не желая, чтобы Саша вмешивалась в мужской разговор. Храмов сделал шаг навстречу англичанину, но тот резко ткнул русского в солнечное сплетение. Храмов согнулся, а когда Маклин "расслабился", полагая, что "вырубил" русского, нанес англичанину короткий и сильный крюк: Маклин повалился на забор: несколько штакетин догнули как спички под тяжестью его сильного, большого тела.

Саша, заплакав, побежала в дом.

Маклин рванулся, ударил Храмова головой в живот и тут же снизу в челюсть. Не дав русскому опомниться, он молотил его своими

громадными кулаками: по спине, бокам... Храмов, не выдержав такого натиска, свалился у забора.

- Все, отвали, - с трудом произнес он, подняв руки. - Потом.. продолжим.

Маклин рывком поднял Храмова, стряхнул пыль с его формы и, ругаясь, быстро пошел прочь от Сашиного дома.

А к калитке уже быстро шла встревоженная Клава. - Ну, что же вы, товарищ капитан-лейтенант?! - недовольно сказала она. - Разве так можно? Мы же его не звали - сам увязался. Еще в клубе! Пойдемте, Саша ведь ждет. Вы же обещали.

- В другой раз, - Храмов поправил фуражку, которую на него нахлобучил Маклин.

- Да ну вас! - Клава махнула рукой. - Тоже мне... моряк!... С печки бряк!... - она быстро пошла к дому. - Растянулся как червяк! - Клава засмеялась.

- Скажите Саше... Я в море уйду! - Храмов был очень расстроен.

- Ну и уходите. Вас никто и не держит! - крикнула с порога Клава. - Скатертью дорога!

х х х

Небольшой танкер неторопливо шел вдоль скалистого берега. День был солнечным и ветренным, море слегка штормило.

х х х

В ходовой рубке, кроме Храмова и полковника Трошина, вахтенный офицер, сигнальщики, рулевой. За отдельным столиком работал с картой пожилой штурман.

Полковник Трошин мрачно взглянул на часы. - Опаздывает? - недовольно спросил он.

- Ну что? Штурман? - спросил Храмов. - Где напарник? Заблудился что ли? - это Храмов сказал скорее самому себе.

- Катер! - тут же доложил с открытого мостика сигнальщик.-

По корме! Слева - двести двадцать пять!

Храмов и Трошин вышли на мостик. В бинокль полковник увидел пенистый бурн, поднятый несущимся катером. На его мачте трепетал английский флаг.

- Он?! - спросил Храмов у штурмана.

- Точно так! Минута в минуту! - ответил тот с уважением.

- Вахтенный!

- Есть!

- Записать в журнал! Встретил катер прикрытия в квадрате...

7-16! - доложил штурман.

- Время встречи - расчетное! - закончил Храмов. Трошин внимательно наблюдал за катером...

х х х

Тот быстро приближался. Резко вильнув, катер несколько секунд "стоял" за кормой танкера... Затем также резко ушел в сторону и тут же, рванувшись вперед, пронесся вдоль правого борта: метрах в пятнадцати от танкера. На мостике катера не было ни души. Англичанин стремительно ушел вперед... Резко накренившись, "подрезал" путь танкера и, спустя несколько секунд, занял место по левому борту: там стояли Храмов и его помощники. Дверь ходовой рубки открылась и перед Храмовым предстал... Маклин. Несколько секунд они удивленно смотрели друг на друга. Маклин развязал концы тонкой веревки, на которой висел английский флаг и коротким рывком спустил его с мачты.

Храмов сделал то же. Маклин почтительно козырнул Храмову. Тот ответил. Оба флага, почти одновременно встали на место. На рубке английского катера торопливо замигал небольшой, но яркий прожектор: точки-тире, точки-тире...

- Считаю за честь сопровождать вас весь период плавания, командир! - перевел сигнальщик.

- Ответить! - приказал Храмов. - Благодарю за помощь! Прощу занять место в строю! Командир.

Сигнальщик начал отстукивать прожектором ответ.

Английский катер сбавил ход... И, оказавшись за кормой танкера, выровнял скорость.

х . х . х

Храмов вернулся в рубку. Там уже его ждал матрос, который держал поднос с крепким чаем, сахаром. Трошин первым взял стакан. Лимончик бы еще, - заметил полковник.

- Когда подойдем к Медвежьему, штурман?! - спросил Храмов, пропустив мимо ушей намек полковника.

- Завтра... в ноль два сорок, - ответил штурман, глядя на карту.

- Добро, - ответил Храмов. Матрос, который принес чай, ждал команды уйти.

- Свободны, Бугров, - сказал Храмов.

Матрос сделал кругом и перед Храмовым предстала его спина в телогрейке: на ней, ближе к воротнику, зияла прореха, из которой торчал клоч ваты.

- Стоять, Бугров, - приказал Храмов. Моряк повернулся к командиру.

- ... У вас форма не в порядке. Знаете? - заметил Храмов. Матрос потрогал прореху. - Виноват, товарищ капитан-лейтенант. - Бугров почему-то посмотрел при этом на полковника Трошина.

- ... Матрос сам должен следить за собой, - продолжал рассуждительно Храмов. - Мен на фронте нет, Бугров. Верно?

- Так точно. Мен нету.

- Вот теперь свободны, - Храмов начал пить чай, задумчиво глядя на море.

Полковник Трошин, усмехнувшись, обманнул сушку в чай...

х х х

С мостика своего катера Дэвид Маклин внимательно разглядывал в бинокль корму русского танкера. В самой ее середине он увидел герб СССР и плохо покрашенное название корабля - "РАЗЪЯРЕННЫЙ".

х х х

Узел связи Северного флота. Тот же час. За пультами моряки-радисты. Среди них несколько женщин, в том числе и Саша с клавиой: они в морской форме, которая им очень к лицу.

Саша явно расстроена. Клава хотела сказать ей что-то, но сдержалась: неподалеку, у одного из пультов, остановился майор в морской форме.

- Извините, товарищ майор, - обратилась к нему Клава, когда майор проходил мимо.

- Да.

- Капитан-лейтенант Храмов не выходил на связь? - спросила она.

- И не выйдет, - строго ответил майор. Клава укоризненно показала глазами на расстроенную Сашу.

- ... У Храмова режим полного радиомолчания, - сочувственно продолжал майор, - чтоб не засекли... вы же знаете.

- А они скоро вернутся? - глаза Саши были полны слез.

- Не знаю. Поход Храмова под личным контролем командующего флотом. И Москвы.

Саша достала платок.

- ... И позывной "Разъяренного" только у начальника разведки флота, - продолжал майор. - Ответь, - он кивнул на пульт: там вспыхнула сигнальная лампочка. Руки Саши быстро и ловко перебрали нужные штыри телефонного коммутатора.

- Седьмая, - представилась она. - Даю "Гранит".

Майор взглянул на Клаву: та одобрительно кивнула.

- Они же только что из похода, товарищ майор. - Саша вытерла слезы. - Их ведь почти месяц дома не было. Разве так можно?

- Все будет хорошо, Смирнова, - майор тронул Сашу за плечо. - Храмов - счастливый, - продолжал он, и корабль у него "Разъяренный" Это вам не хухры-мухры... Храмов мужик фортовый... Вернется.

Клава перебросила штыри своего коммутатора и тут же сделала это за Сашу. Майор ушел.

- Я дура, да? - Саша улыбнулась.

Клава обняла подружку.

- ... Я умру, если не увижу Храмова, - сказала Саша...

х х х

Вернемся в деревню к Сергею Федоровичу Храмову. Он вбивал кол, к которому была привязана коза: теперь она могла пастись на свежей траве, неподалеку от берега. На бугре, возле домов появилась "нива". Из нее быстро вышли мужчина и женщина.

- Сергей Федорович! - позвала женщина. - А-уу!

Храмов поднялся к гостям.

- А ведь мы к тебе, - женщина улыбнулась, протянула руку. - Петр Григорьевич, председатель областного комитета ветеранов, - представила она мужчине: тот любезно пожал Храмову руку.

- Ты, кажется, дров у сельсовета просил? - продолжала женщина (на ее куртке значок депутата местного совета). - Твое заявление? - она достала из папки листок.

- Так ему второй год, - Храмов улыбнулся. - Не потеряли... Ты смотри.

- Сегодня к вечеру приедут, - продолжала, как ни в чем не бывало депутатша. - Напиленных - колотых, - она взглянула на мужчину. Тот кивнул.

- Мы были сейчас у Александры Максимовны, - продолжала депутатша. - Врач настаивает на операции... Ты подумай... А Петр Григорьевич поможет. Переведем в областную... Там и палаты... "люкс" и все остальное... сам понимаешь.

- Лякс? - Храмов улыбнулся.

- ... И вот еще - чуть не забыли, - продолжала депутатша. - Завтра к тебе из Москвы гости приедут... Целая делегация... Немецкий миллионер с гуманитарной помощью, - она заглянула в свою папку. - Манфред Отто, - помнишь такого?

Храмов промолчал.

- ... А он тебя знает откуда-то, - женщина закрыла папку. - С этим немцем еще одна "шишка" придет: от президента кто-то, да? она глянула на коллегу из области: тот кивнул. - Мы их встретим и сразу к тебе: у них очень мало времени. А ты у нас, оказывается, вон какой, - она обняла Храмова. - Вот ведь жизнь собачья! Все бегаем, бегаем по людям, все для них, как говорится, а потом вдруг окажется, что главное-то и проглядели. Герои -то вот они! Рядом! В двух шагах! - она засмеялась и снова обняла Храмова. - Значит, до завтра, Сергей Федорович? А дрова, учти, сегодня же будут - кровь из носа. Мужик из области кинемл - в последний раз. - Стоп не забудьте поставить, - заметил он. - И побольше. Найдется, я надеюсь?

- А мы, если надо, свой привезем! - ответила дома. - Мы люди не гордые! Верно?

Дама садится за руль "нивы". - Баян-то у тебя как?! - крикнула она. - Ух и спляшем! "Нива" уезжает.

х х х

В доме Храмов достал из книжного шкафа старую папку с завязками... В ней - пожелтевший БАХТЕННЫЙ ЖУРНАЛ. На его обложке нарисован двухтрубный с низкими бортами силуэт военного корабля. Под ним было красиво написано "РАЗЪЯРЫННЫЙ", 1944 ГОД.

Храмов перевернул несколько страниц... Остановился на той, где значилось - 12 - 17 июля. Ниже чистым и ровным почерком было написано: 05-42 - КОНТАКТ С ВОЗДУШНОЙ ЦЕЛЬЮ...

х х х

На ходовом мостике Храмов, Трошин, сигнальщик и вахтенный тревожно смотрели в небо: там кружил самолет. Позади танкера шел катер Маклина.

х х х

Там же так же внимательно наблюдали за самолетом. Спаренные стволы крупнокалиберного пулемета на носу катера были задраны к небу. За его гашетками сидел бородастый моряк, готовый немедленно открыть огонь по воздушному разведчику...

х х х

С мостика танкера видели, как немецкий самолет, круто спикировав, скрылся за скалистым берегом...

- Блипли? - спросил тревожно полковник Трошин, посмотрев на Храмова.

Храмов молча оглядывал море в бинокль. За их спинами с нарастающим ревом заработали двигатели. Резко обернувшись, Храмов и остальные увидели, как английский катер начал стремительно набирать скорость. Он пронесся мимо танкера: возбужденный Маклин показывал вперед, к берегу. Глянув туда, Храмов увидел корабль: он шел из-за берега. Катер Маклина торопился ему навстречу. И тут же, следом за кораблем, из-за скал вынырнул немецкий самолет: бросившись он шел на танкер.

- Торпедоносец! - крикнул сигнальщик.

- К бою! - приказал Храмов.

На носу танкера двое моряков сорвали с большого ящика брезентовый чехол: под ним стоял счетверенный зенитный пулемет.

Храмов внимательно следил за самолетом. Катер Маклина свернул в сторону, закрыв собой танкер. Над катером взметнулись черные облачка дыма и тут же послышался дробный стук пулеметов.

х х х

Бородатый комендор держал самолет в перекрестьи, стволы ходили ходуном, пустые гильзы сыпались на палубу как горох...

х х х

- Гип-гип - Ура-а! - радостно заорали англичане на мостике: пронесшийся над ними самолет дымил.

Летчик, пытаясь сбить пламя, бросал самолет в сторону... Затем он начал медленно валиться на бок... Его вело к берегу... Все ближе и ближе... Нос самолета опустился, и машина врезалась в крутой скалистый берег.

х х х

Бородатый комендор неистово колотил кулаками по стальному борту катера: так он реагировал на свою победу. Совсем близко от него взметнулся высокий столб воды: катер сильно трянуло. Над немецким кораблем вспыхнуло пламя нового выстрела: над головами Маклина и его помощников с воем пронесся снаряд.

- Первый - пли! - крикнул Маклин.

Из трубы торпедного аппарата за борт выскочила торпеда. Маклин прыгнул к биноклю... Немецкий корабль круто завалился на борт... Выровнялся и тут же снова сделал крутой поворот, уходя от торпеды: пушка корабля при этом "вышлепывала" снаряд за снарядом.

- Первая - мимо! - крикнул сигнальщик, наблюдавший за немецким кораблем.

- Вторая-я...

В тот же миг сильный взрыв потряс катер: Маклин врезался в ограждение рубки. Поднявшись, он увидел такую картину. Пуленосца, за которым сидел бородач, не было. Вместо зенитки на искореженной снарядом палубе зияла рваная дыра. Из нее торчала половина туловища бородатого комендора.

Еще один снаряд, попав в борт катера, снес все, что было на корме. Густой дым повалил из машинного отделения. Немецкий корабль

быстро приближался. Маклин огляделся. На мостике, рядом с ним, лежали четверо: все были живы. - Тихо! - приказал Маклин, - и тут же пополз к борту катера.

х х х

Храмов и остальные не сводили глаз с происходящего: до катера и немецкого "охотника" было не более двух километров...

- Лево на борт! - приказал Храмов. - К берегу!

Трошин тревожно смотрел на него...

х х х

Маклин и остальные моряки притаились в борту, не спуская глаз с подходящего "охотника". Он коснулся бортом катера. В тот же миг англичане бросились на палубу немецкого корабля. К англичанам прибавились еще трое. Кто-то из них одним махом намотал толстые концы на крапцы "охотника": оба корабля были связаны.

На палубе ворочался клубок тел, сцепившихся в рукопашной схватке. В воздухе мелькали ножи, гремели пушечные выстрелы.

Маклин, прыгнув ножом одного из моряков, ворвался в ходовую рубку. Навстречу ему рванулся рослый немец: в каске, с гранатой. Ударив его ножом, Маклин перехватил гранату и рванулся назад.

На палубе неистово дрались. Немцев было больше. Свалив двоим выстрелами из пистолета, Маклин оказался на носу "охотника"... Рванул круглый люк: в стальном колодце лежали снаряды. Из колодца на Маклина изумленно смотрели два немецких моряка. Маклин сорвал кольцо гранаты...

х х х

Мощный взрыв, казалось, потряс все вокруг. Храмов увидел, как над кораблями взметнулся черно-желтый столб. Когда же он рассеялся, вместо двух кораблей на поверхности моря осталась лишь носовая часть одного из них: вставая на дыбы, она медленно уходила под воду.

- На румб сорок! - приказал Крамов.

- Есть - на румбе сорок! - ответил рулевой.

- И что теперь? - хрипло спросил полковник Трошин. Крамов, не отрываясь осматривал море в бинокль. Высокий скалистый берег был совсем близко.

- Еще не вечер, - мрачно ответил он затем Трошину...

х х х

Командный пункт Северного флота. У большой планшет-карты обсуждали сложившуюся ситуацию адмирал Головкин, начальник штаба и генерал Самохин. Но вот все присутствующие на КМ почтительно повнялись: адмирал и Самохин вышли из небольшого зала...

х х х

В нешироком коридоре, где они оказались, было безлюдно: лишь моряк-часовой вытянулся по стойке "смирно", когда командотом и его гость проследовали мимо.

На лестничной площадке, куда вышли Самохин и Головкин, у широкого окна с выходом на просторную бухту, занятую военными и гражданскими кораблями, стояла ... Сада.

Увидав командующего флотом, она четко по-военному сделала "кругом", приложив к черному форменному берету руку. Головкин и Самохин кивнули.

- Оператор станции дальней связи, сержант Смирнова. Разрешите обратиться, товарищ адмирал.

- Слушаю, - Головкин остановился.

- Извините, товарищ командующий, можно узнать, когда должен вернуться капитан-лейтенант Крамов?

- Бы жена Крамова? - спросил Головкин.

Сада отвернулась к окну, чтобы скрыть слезы.

- ... У Крамова режим радиомолчания, - продолжал Головкин, - до среды. Послезавтра он должен выйти на связь. Что ему передать?

- Спасибо, ничего, - Саша, достав платок, шагнула к лестнице, но тут же остановилась, повернувшись к Головко и Самозину: теперь она была собрана и строга. - Разрешите идти, товарищи, адмирал?

- Можно я скажу Храмову, что его очень ждет сержант Смирнова? - Головко улыбнулся.

Отдав честь, Саша побежала вниз по лестнице.

х х х

Корветтен-капитан Манфред Отто бежал по узкому проходу порывной лодки. Упав в неширокий круглый люк, соединявший отсеки субмарины, командир У-224-й оказался на центральном посту.

- Поднять перископ! - приказал он вахтенному офицеру, а сам пошел к моряку, сидящему за экраном гидролокатора.

- Я слушаю, Браун, - корветтен-капитан смотрел на экран: светлые круглые лучи ритмично и медленно расходились по нему.

- Двойной взрыв в точке АС 2307, - доложил моряк. - Четырнадцать миль на восток. Очень мощный взрыв...

Отто подошел к перископу.

х х х

Перед ним - пустынное море... Далекая полоска берега...

х х х

- Кто-нибудь из наших работает в этом квадрате? - спросил Отто.

- Патрульная пара: низкий торпедоносец и морской охотник, - ответил один из офицеров.

- Вы слышали их, Конрад? - спросил Отто радиста.

- Торпедоносец дал охотнику координаты двух целей. Оба пошли в атаку. После этого связь с ними пропала.

Подойдя к столику штурмана, Отто начал рассматривать карту.

- Господин корветтен-капитан! - позвал радист.

- Да!

- Контр-адмирал Шефлер, - почтительно доложил радист, протянув Отто навигацию и микрофон...

х х х

Танкер шел вдоль берега. Громадные гранитные скалы нависали над кораблем, тысячи морских птиц, отившихся в расщелинах, бросались с верхатуры на корабль, но в самый последний момент, резко взмывали, истошно крича. У берега волна была выше: танкер качало.

Крамов курил, облокотившись на пехла мостика. К нему подошел мичман Трошин: в его руке листок. Полковник хотел что-то сказать, но вместо этого он рванулся к ограждению: Трошина стошнило.

- Где у тебя радист? - спросил он, оправившись от морской болезни.

Крамов посмотрел на полковника.

- ... Отправь, срочно! - Трошин протянул Крамову листок.

- Не могу. - У меня приказ... полное радиомолчание...

- Нас уже засекли! - рассердился Трошин.

- Согласен...

- Мы не пройдем без прикрытия! Я докладываю об этом генералу Самохину. Груз не должен попасть к немцам!

- Не полает.

- Думаешь прорваться?

- Думаю, где лучше утопить груз, - ответил Крамов, - если нас накроют.

- Под расстрел тынешь?

- А вам-то что? - Крамов усмехнулся. - С вас... как с гуся вода.

Трошин зло смотрел на Крамова. Скомкав бумажку, он швырнул ее за борт и тут же перегнулся за ограждение: полковника снова стошнило.

- Бахтенный! - позвал Крамов, усмехнувшись.

- Есть!

- Дайте полковнику селедки отарцов! - приказал Крамов.

Трошкин, сморщившись, зло смотрел на Крамова.

- Лучше селедки, товарищ капитан-лейтенант, - почувствовал вахтенный.

Крамов глянул на Трошкина: тот снова переминался за обращение.

- Ну, смотри, командир, - с трудом выдвигая из себя полковник.

Крамов подмигнул вахтенному. - Селедки полковнику...

- Немецкий перематчик! - доложил из рубки радист. - Число - двенадцать! Число - триста тридцать два гравеса!

Крамов рванулся в рубку...

х х х

центральный пост №4. Отто слушал контр-адмирала Фюллера.

- Лодный корабль, который два дня назад русские отправили из Мурманска, стал для нас простой приманкой... костью, которую они бросили. И мы попались на эту удочку: наши лодки сблизись в одну стан, чтобы атаковать корабль, а тем временем, корабль с грузом проскользнул себе сам в другом месте. По нашим расчетам, «Мандрел», он должен быть сейчас в твоём районе... Не исключено, что именно этот корабль был бы с нашим самолётом и самоходом... Мы не знаем какого класса этот корабль, но судя по мощи его огня, это - либо лермий крейсер, либо «Дрегат» или миноссец. Будь внимателен. Все теперь в твоих руках - это слова Фюрера. Действуй, Мандрел. И на связи...

- Есть, - Отто отдал радисту микрофон и начлики. И снова подошел к перископу.

- Глубина тридцать, курс - двести двенадцать! - приказал он. Полный вперед!

х х х

Крамов стоял у пульта, за которым работали радист и гидро-

акустик. Матрос-оператор, прижав руками наушники, слушал размеренные удары. Крамов и Трошин тревожно ждали, что он скажет.

- Не тлми, Славик, - нетерпеливо сказал Крамов. - Кто?

- Лодка, товарищ...

- Точно? - Крамов снял с головы оператора наушники, приложился к ним: "чф-чф-чф", - услышал он сквозь шум моря.

- Скорость лодки - семь с половиной узлов! - побавил акустик. Курс - на нас!

Трошин растерянно смотрел на Крамова. Тот положил руку на рычаг небольшого пульта: низкий прерывистый звук ударил по рубке.

- Боевая тревога! - объявил Крамов в микрофон, - атака подводной лодки!

х х х

Танкер начал удаляться от берега. Резко и прерывисто звучал ритм боевой тревоги...

х х х

Отто смотрел в перископ: недалеко от берега шел советский танкер...

х х х

С его мостика Крамов внимательно наблюдал за морем...

- Справа сорок! - возбужденно положил сигнальщик.

Крамов навел бинокль в нужную точку... И увидел торчащий из воды перископ: за ним тянулся неясный след.

х х х

Узел связи Северного флота. Сама не видела, как вошел адмирал Головкин. Начальник узла бросился к командующему, чтобы доложить по всей форме, но команданте, жестом остановив его, спросил что-то, оглядывая зал, где за пультами работали операторы радиостанций. Начальник узла показал на Сашу и Клаву.

х х х

Клава толкнула подружку. - Командующий, - шепотом сказала она, поднимаясь и поправляя форму.

- Какой у нас сегодня день, девочки? - спросил повойля Головки.

- Среда, - товарищ адмирал, - ответила Клава.

- Так точно, - адмирал постел из кармана листок и передал Саше.

- Спасибо всем, кто жлет, - прочитала она.

х х х

На мостике танкера Храмов и остальные наблюдали за перископом немецкой субмарины... Но вот он скрылся.

- Акустик! Следить за целью! - приказал Храмов.

- Лодка сбавляет ход! - положил оператор. - Три часа... нес... Лодка встала!

- Стоп машины! - приказал Храмов. Вахтенный щелкнул ручку машинного телеграфа. - Есть - стоп машины!

х х х

- Русский остановился! - доложил акустик... Убрал борт!

- Обе - малый вперед! - приказал Отто. - На румб - сорок!

х х х

- Лодка уклонит вправо! - сообщили Храмову акустик.

- Малый вперед! - приказал капитан-лейтенант. - Лево на борт!

х х х

- Русский начал выжигание.

Отто и его помощники переглянулись. Повойля к столику штурмана, Отто выбрал из ящика две фигурки: подводной лодки и торгового корабля, поставил их на карту норвежского побережья. Фигурки "смотрели" носами друг на друга.

- Руль вправо! - приказал он. Морзяки исполнили приказ.

Отто повернул фигурку подводной лодки бортом к носу торгового

"корабля" и стал ждать, что ответит акустик...

- Русский уходит влево! - доложил тот. Отто сейчас же повернул второй кораблик: он снова смотрел прямо в нос субмарины.

- Он все время убирает свой борт! - доложил акустик.

- Значит... русские слышат нас? - Отто оглядел своих помощников. - Раньше на их танкерах не было гидролокаторов...

- Кормовые - произнес Отто в микрофон. - То-овсы!

х х х

В кормовом отсеке возле четырех торпедных аппаратов стояли двое моряков.

- Есть, кормовые-товсы! - ответил один из моряков. Его руки легли на толстые скобы спусковых механизмов. Слева и справа от моряков на стеллажах лежали длинные торпеды...

х х х

- Первый... пли! - скомандовал Отто, прильнув к перископу.

- Есть, первый - пли! - как эхо отозвались из кормового отсека. И тут же лодка вздрогнула...

- Первая! пошла!

х х х

Слышу звук выстрела! - доложил акустик.

Храмов и остальные тревожно замерли...

- ... Торпеда по правому борту! - провозгласил акустик. - Удаление 600 кабельтовых! Скорость 60! Курс - на корабль!

- Руль вправо! - резко приказал Храмов. - Самый полный вперед! Танкер медленно и круто начал заваливаться на левый борт, уходил от торпеды. Полковник Трошин схватился за поручень...

- Торпеда проходит справа по корме! - доложил акустик.

Храмов и Трошин увидели пенистый след: он исчез в бурне, поднятом винтами за кормой танкера.

- Слева сорок - перископ! - доложил второй сигнальщик.

Трошин метнулся к левому борту. Храмов навел бинокль.

- Приготовиться! - крикнул он морякам, стоящим на корме танкера. Те подняли широкое брезентовое полотно. Перед ними - четыре тележки, на которых стояли глубинные бомбы. Моряки подкатили одну из тележек к корме... Двое отинули борт, открыв бомбе дорогу к воде...

- На баке! - крикнул Храмов морякам, стоящим на носу танкера. - Работать по моей команде!

- Есть! - отозвались моряки.

Храмов снова поднял бинокль. Перископ, по-прежнему, торчал из воды...

х х х

Отто наблюдал как танкер медленно "подставлял" свой борт...

- Носовые - товсь! - командовал он.

х х х

- Есть, носовые - товсь! - отозвался моряк из носового торпедного отсека, взявшись за "курок".

- Первый... пли! - услышали моряки голос Отто.

Моряк резко дернул "курок". Послышалось громкое шипение и короткий толчок. Лодка вздрогнула.

- Первая пошла! - доложил моряк!

х х х

Отто тут же принялся к перископу...

Перед ним - танкер...

х х х

- Слышу звук выстрела! - доложил Храмову акустик... - Торпеды по правому борту! Удаление - 550 кабельтовых!

- Есть, - Храмов не спускал глаз с секундомера...

- Торпеды по правому борту! Удаление - 300 кабельтовых! - продолжал акустик. Трошин тревожно смотрел на Храмова: тот -

на секундомер.

- ... Торпеда по правому борту! - докладывал акустик. - Удаление 200 кабельтовых... 150...

Храмов бросил взгляд на вахтенного. Тот вцепился в рукоятки машинного телеграфа. Храмов мрачно пощипнул ему.

- ... Торпеда по правому борту! Удаление 60 кабельтовых!

- Полный вперед! - приказал Храмов. - Руль - круто влево!

Руки вахтенного рванули рукоятки машинного телеграфа, рулевой стремительно крутил штурвал...

х х х

Отто видел, как танкер начал заваливаться на левый борт, уходя от торпеды...

- Русский дал самый полный вперед! - доложил акустик.

- Опоздал, - заметил Отто, глянув на секундомер.

х х х

- Бросай! - крикнул Храмов стоящим на корме морякам. Они толкнули тележку с бомбой за борт и тут же упали на палубу, закрыв руками головы. В нескольких метрах от кормы танкера взметнулся высоченный столб воды и тут же грохнул мощный взрыв. Танкер встряхнуло да так, что морякам на мостике пришлось ухватиться за поручни.

- Держать лево на борт! - приказал Храмов.

Храмов вновь вскинул бинокль.

х х х

- Есть попадание! - доложил акустик.

Отто видел, как танкер начал описывать круг. За его кормой все сильнее и сильнее дымило.

- Ваше мнение, Франц? - Отто освободил место у перископа.

К нему сейчас же приник один из офицеров.

- Попадание! В руль или винты, - ответил офицер.

- Похоже! - Отто смотрел в перископ.

- Господин корветтен-капитан! - позвал радист, протягивая микрофон и наушники. - Адмирал Шефлер.

- Что нового, Мандреф? - услышал Отто голос адмирала.

- Атаковал русского, господин адмирал, - ответил Отто. - Танкер, возонмещенне около 75 тысяч... Повредил винты и руль.

- Поздравляю, Мандреф, - ответил Шефлер. - Мы нашли, что искали.

- Не понял...

- Люди Канариса... В общем, его разведка только что сообщила: на этом танкере русские везут в Лондон то, о чем говорил дивер.

- Ты в этом уверены, господин адмирал? - Отто не сводил перископа с танкера. - Неужели, все так просто...

- Канарис редко ошибается, Мандреф. Топи.

- Это я еще успею сделать это раз... Я призову русского в нашу базу, господин адмирал.

- Ты рискуешь?

- Нет.

- Хорошо. Иду твоего доклада.

- Сколько у нас торпед? - спросил Отто, отдав радисту микрофон и наушники.

- Шесть, - ответил один из офицеров.

Отто еще раз внимательно осмотрел в перископ поверхность моря. Танкер. - не мешал стоять, к величинам! - приказал он затем.

- Есть!

- Провуть среднюю!

- Есть!

- Носовое орудие - к бору! - Пулеметы - наверх!

- Есть!

Отто снова посмотрел в перископ. Танкер кружил, его корма

сильно пылила...

х х х

На корме танкера в низкой стальной ванне горели несколько резиновых покрышек. Двое моряков в касках "цуровали" в огне ко-черенками.

- Слышу прорывку балласта! - положил акустик. - Лодка всплывает!

На мостик вышел полковник Трощин: с автоматом, в каске.

- Справа - шестьдесят! - показывал возбужденным сигнальщик.

Сначала среди пены и громадных пузырей появилась серо-зеленая рубка подводной лодки. Хорошо был виден ее номер - 3-221, а еще через несколько секунд - ее длинный корпус.

- Рудь прямо! - тут же приказал Афанов.

Танкер перестал кружить. Его нос был направлен на подводную лодку: до нее было не более километра...

х х х

Отто откинул тяжелую крышку верхнего рубочного люка: яркий солнечный свет ударил ему в глаза. Из носового люка на палубе показались моряки; с автоматами, в касках... Трое из них бросились к носовой пушке...

Отто выбрался из люка на ходовой мостик. Танкер был в километре от подводной лодки.

Моряки у пушки специально готовили оружие к стрельбе. Один из них раскрыл темный ящик, другой, достав из него снаряд, проводно вогнал его в ствол. Третий матрос быстро брал рукоятки наводки: ствол пушки двинулся к танкеру...

В тот же миг танкер окутался густым дымом. Из него один за другим с громким воем вырывались огненные шары: лавина огня рванулась навстречу подводной лодке.

Отто инстинктивно спрятался за крышку люка... Реактивные

снаряды взорвались в нескольких метрах от борта, подняв громадную волну у стен: она обрутилась на лодку...

х х х

С носа танкера стреляла реактивная установка: соединенные кольцом трубы посылали на врага снаряд за снарядом. Но вот из трубы вырвался последний; моряки тут же бросились закливать в трубы новые порции снарядов...

х х х

- Огонь! - приказал Отто.

Наводчик прицелился... Грянул выстрел. Заряжающий патрон не попал в ствол второй снаряд. Наводчик снова выстрелил. И снова заряжающий попал в ствол снаряд. Но выстрелить патрон не успел: в нескольких метрах от лодки снова появилась высоченная волновая стена: с танкера снова был реактивный бомболет.

Лодку подбросило, несколько моряков полетели за борт. На кормового дека (он был открыт, двое моряков возле него пытались стрелять по танкеру из пулемета) повалил густой черный дым. Он застилал мостик, не давая Отто увидеть происходящее на воде, на танкере. Но вот дым опустился.

Танкер стоял бортом к подводной лодке.

х х х

- Снять маскировку! - резко приказал Трамов, едва дым отступил ему подводную лодку.

х х х

Двое моряков у бортов танкера рвали тяжелые рукоятки. В тот же миг высокий борт танкера рухнул в воду.

х х х

И на корме танкера моряки рвали толстые рукоятки. И там в воду летели ограждения... То же было и на другом борту... На носу танкера... На его мостике...

х х х

Как замороженный Отто смотрел на необычную картину. Танкер стремительно превращался в боевой корабль. И вот уже перед подводной лодкой стоял грозный эсминец. Два его торпедных аппарата разворачивались для стрельбы. Резко дернувшись, стволы пушек уперлись в рубку подводной лодки.

х х х

- Предупредительный! - скомандовал Крамов, глядя в бинокль на рубку подводной лодки.

Носовое орудие тут же "выпихнуло" четыре снаряда: они "легли" в самого борта подводной лодки, обрушив на нее водяную стену.

Полковник Трошин держал рубку под прицелом.

- Не стрелять! - приказал ему Крамов.

- Уймут! - зло ответил Трошин, положив палец на курок автомата. В тот же миг Крамов ударил рукой по стволу: очередь, выпущенная полковником, ушла в небо.

- Под трибунал пойдешь, - Трошин усмехнулся. И, оглянувшись, добавил. - У меня есть свидетели, - он посмотрел на моряков, стоящих рядом. Услыша это, моряки отвернулись: знали вид, что ничего не слышали.

- Спаются! - в один голос доложили сигнальщик и вахтенный офицер...

х х х

Отто мрачно смотрел на русский эсминец. Рядом сигнальщик держал белый флаг. У борта У-24-й моряки помогали выбраться из ледяной воды своим товарищам: среди них были раненные и убитые... Из люка на корме валил черный дым.

- Господин корветтен-капитан! - позвал сигнальщик. - Что мы делаем?! Это же позор!

- Поднимите флаг, Абель! - зло ответил Отто. - Русские должны хорошо видеть его. Иначе они снова начнут стрелять.

- У нас же есть торпеды, и мы могли бы отбиться, герр корветтен, - сигнальщик махал флагом.

- А что будет с ними? - Отто показал на моряков, которые с трудом пытались выбраться из воши на палубу. - Вы хотите их бросить. Сигнальщик промолчал: его глаза были полны слез.

- ... Русские переиграли нас, Абель, - сказал Отто, приближая за приближающимся кораблем. - И теперь ничего не поделаешь, - в бинокль он увидел надпись на борту эсминца - "РАЗЫРИШИИ"...

х х х

Луи и гудок проходящего электровоза вернули Манфреда Отто к реальности. Микроавтобус фирмы "Фольксваген" стоял на шоссе перед опущенным шлагбаумом, за которым проносился товарняк. Возле автобуса, как из-под земли: появились шустрые мальчишки: бросились протирать и без того чистые стекла машины. В "микрике", кроме Кофмана, сидел молодой российский полковник с фотоаппаратом на шее. На заднем сиденье лежало множество импортных коробок.

Скрылся последний вагон поезда... поднялся шлагбаум. Мальчишки облепили окно водителя, которому Кофман протянул несколько бумажек. Едва водитель высунул руку, как самый старший выхватил деньги и тут же бросился бежать. Друзья рванулись за ним...

Отто улыбнулся.

- ... Долго еще, Витя? - спросил полковник у водителя.

- Минут двадцать, - ответил тот. - Хотите музыку? - спросил он. И не дожидаясь ответа, включил магнитофон.

- ... "А каморка-то моя освещалась редко, - запел кто-то под Петра Лещенко, - да не нужно мне огня с милою соседкой! Как соседка прибежит, ну пойдет потеха! Только комната дрожит у нас с ней от смеха! Так смеялись каждый час, но прошел годочек. И от смеха вдруг у нас родился сыночек..."

Отто не слышал песни. Он снова "заглянул" в прошлое...

х х х

Центральный пост V-224. Отто мрачно наблюдал за тем, как Крамов перебирал бумаги и карты немецких полководцев, складывая их в большой портфель. Старший лейтенант из экипажа "Разъяренного" изучал документы немецких офицеров.

- Где ваше оружие? - спросил Крамов, закрыв портфель. Офицер перевел.

Отто ответил. Офицер подошел к небольшому шкафчику. В нем висел пояс с пистолетом... и куртка с двумя железными крестами. Здесь же, на полочке, лежала фуражка Отто и... морской кортик.

Крамов протянул руку, чтобы взять кортик. - У нас такая вещь ценится больше, чем любой орден, - рассматривая кортик, заметил он.

- У нас то же, - ответил Отто. - Это - честь морского офицера, как и флаг корабля.

Они внимательно смотрели друга на друга.

- Прощу, - Крамов кивнул на рубочный лок.

Отто начал пощипывать наружу. Крамов оглядел центральный пост. Офицер держал куртку с крестами Отто.

- Возьми... на память, - сказал Крамов. - Не каждый же день берем асов...

х х х

"Разъяренный" стоял в десяти метрах от немецкой подводной лодки, по-прежнему, держа ее под прицелом всех своих орудий, пулеметов и торпедных аппаратов. У борта V-224-й покачивались надутые плоты, в них - немецкие моряки. Четверо автоматчиков наблюдали за противником. Полковник Трошин селся в небольшой катер, стоящий у борта подводной лодки.

На палубе появились Крамов, Отто и переводчик. Командир подводной лодки взволнованно смотрел на своих товарищей, а они на него - мрачные, усталые.

- Пусть ваши люди плывут к берегу, - сказал Крамов.

Отто удивленно смотрел на русского.

- Катитесь! - повторил Крамов.

- Уведите людей, Франц! - крикнул Отто. Немцы неподвижно сидели в лодках. - К берегу! - снова крикнул Отто.

- А вы... со мной... на корабль, - продолжал Крамов.

- Плен? Крамов не ответил.

- ... Нет, - решительно сказал Отто. Крамов молчал, раздумывая... И снова их взгляды встретились. Крамов протянул Отто его пистолет и тут же начал спускаться к катеру, в котором сидел полковник Трошин.

Отто задумчиво смотрел на отплывающие плоты... Промелькнули распущенные волосы Рут... затемненная спальня... голова Рут на его плече... красивое доброе лицо... Рут смотрит в окно, когда Отто покидал дом в этот проклятый последний поход?

х х х

Крамову оставалось сделать один шаг до борта своего катера, когда за его спиной послышался негромкий щелчок.

х х х

Вытащив из рукоятки пистолета обойму с патронами, Отто бросил ее в воду. Пистолет шлепнулся на стальную палубу. Отто шагнул к катеру, в котором были его враги... Он решил: лучше плен...

х х х

Катер быстро отошел от борта У-224-й. Отто стоял на его корме, не сводя глаз со своего корабля. Катерок был уже у борта русского эсминца, и тут раздались выстрелы его пушек. Снаряды "Разъяренного" вливались в борта, в рубку подводной лодки... Рвали ее мощное тело... А затем раздался сильный взрыв...

х х х

Встречали Отто и его окружение уже знакомые нам женщина и ее

спутник из области и "гаишник" с мотоциклом. Дама резко шагнула к "микрику", по-хозяйски распахнув дверь, заглянула в салон.

х х х

- С приездом, гости дорогие! - весело крикнула она, протягивая Отто и его спутникам большой букет цветов, и тут же приказав "гаишнику". - Давайте вперед, Сева! Так же, по-хозяйски, дама залезла в "микрик".

"МИКРИК"

Гаишник первым въехал на разбитый проселок. Затем/"Нива", за руль которой сел чиновник из области, замкнула "кортеж"...

х х х

- Сверчкова! - ничуть не смущаясь, представилась женщина. - Галина Семеновна. Можно просто Галя, - она оглядела импортные коробки на заднем сиденье. - И всё это нашему Крамову? - удивленно спросила она военного.

Полковник кивнул.

- Везет же людям, - с досадой заметила Сверчкова. - И надо же вы к нам, гости дорогие? - улыбаясь, тут же обратилась она к Отто.

- Самое большее - наь полчаса, - ответил военный.

- Ну-ну! А мы-то думали... Погостите, отметим встречу... по-русски. Сергей Федорович, подо, уж и сток накрыл... Он ведь у нас ... герой! На балне играет! А как поет?!

Отто смотрел в окно: на поле, неровную дорогу и близкий лес за рекой.

- Во-он его дом! - подсказала Сверчкова. - На самой горке... Где две большие березы.

Но взволнованный Отто уже не слышал, что говорила дама,

- А они откуда знают нашего... Крамова? - продолжала Сверчкова, обращаясь к полковнику. - Он же никогда в Германии-то не был...

- Военный пожал плечами. - Жрать охота... Четыре часа едим, - он взглянул на часы.

- Сейчас закусим, - Сверчкова снова с заиствью оглядела коробки. - Ветчина, кофе... Смотри, что делается-то. А?

х х х

"Кортеж", неторопливо пересекая неровное поле, приближался к реке, на берегу которой была деревня...

х х х

Сергей Федорович Крамов встречал прибывших возле своего дома. Неподалеку стайкой расположились соседи... У сарая кучкой лежали вторых привезенные дрова...

- Ну, гости дорогие! - радостно повторила Сверчкова, первой подошла к Крамову, - вот он наш... уважаемый ветеран войны и труда, - она порывисто обняла Крамова. - Здравствуй, дядя Сережа! Принимаю друзей! - она повернулась к полутчикам.

- Крамов! - спокойно представился Сергей Федорович, - милости прошу, - он открыл калитку.

- Да ты познакомься сперва! - Сверчкова засмеялась, - и не тужишься - тут же все свои!

- Полковник Тырин из министерства Обороны, - первым представился тот. Крамов пожал ему руку, внимательно глядя при этом на Отто: он почувствовал, что этот господин - самый главный его гост

А гость, плохо скрывая волнение, снял очки, протер их носовым платком и лишь после того, как возложил очки на место, протянул Крамову руку. Тот пожал ее. Отто ждал, что русский, узнав его, скажет что-то очень важное, но Крамов лишь пожал его руку, и затем, хрипло откашлявшись, повторил - прошу.

Последней за калитку вошла Сверчкова. - Добра тебе понаведе дядя Сережа, - негромко сказала она Крамову, - На две жизни хватит. И куда столько?

- Зря... Мне же ничего не надо.

- Ладно, сиди, - не надо! - Сверчкова махнула рукой. - Дарт бери, а бьют - беги. Когда еще такой случай будет...

Отто осматривал сад, грядки, дом... Ждал, когда подойдет Крамов... И снова тот не сказал ни слова: лишь улыбнулся.

- Как у вас... хорошо, - сказал Отто, глядя на реку, лес... И воздух дивный...

- Неплохо, - согласился Крамов. И снова... пауза.

- Дядя Сережа! - позвала Сверчкова. - Ну где вы? У нас же времени в обрез!

Прежде чем войти в дом, Отто оглянулся на калитку... Там стояли несколько старшек и стариков: простые, уставшие, русские лица...

х х х

Стол был накрыт на светлой террасе: два красных градинника с вонкой, домашняя снесь - все с огорода, река и лес. На двух больших тарелках томилась жареная курица. Были на столе и импортные напитки: их, наверное, привезли гости.

Крамов с баяном в руках сидел во главе стола. Отто - справа от него. Сверчкова любезничала с полковником Туринным. Рядом с ней покачивался с полужакрытыми глазами председатель областного правления ветеранов.

Отто смотрел на Крамова: ждал, что они поговорят, наконец, о самом главном... Но тот все молчал: ждал, наверное, что этот разговор начнет его гость.

Сверчкова подошла к Отто и Крамову: в ее руках альбом с фотографиями.

- А вот какие мы были пятьдесят лет назад! - она протянула Отто Альбом: на фото - молодой морской офицер Сергей Крамов. Отто хотел взять альбом, но Крамов опередил его. Отложив альбом,

он заиграл плясовую, кивнув Сверчковой.

- И-и, - пронзительно заголосила она, начав лихо отбивать "дробь". Ее спутник из области открыл глаза, улыбнулся и начал прихлопывать. К ним присоединился полковник Тырин.

- Мой миленок, чай уж дома, - заголосила Сверчкова. - Чай, уж чай напился! Чай, побрился, чай овеся! Чай, гулять уж собрался!

Сверчкова "подхватила" к Тырину, приглашая его на танец. Но вместо него с места сорвался, чуть не ружив на стол, председатель областного совета ветеранов. - "Пойдем, милка, полугаеми! - запел он. - На дворе така жара! Пусть картошку убирают из Москвы инженера-а!"

Оба, что есть силы отбивали дробь. Храмов, серьезно глядя на Отто, играл плясовую.

Помощник Отто, посмотрев на часы, что-то сказал на ухо шефу. Тот покачал головой. - Нам, - повторил Отто.

Хофман кивнул полковнику Тырину.

Полковник постучал вилкой по бокалу. Храмов перестал играть.

- Ну что, друзья!? - обьявила Сверчкова. - Прощальный тост? - У всех налито?... - И дуваа, - продолжала она, - наши гости на меня не обидятся... За них мы уже пили... И предлагаю... Выльем теперь за нас... За всех русских. Кого еще никто и никогда не ставил на колени, - она чекнулась с полковником Тыриным.

"Забота у нас простая, - негромко запела она, направляясь к Храмову, - забота у нас такая. Была бы страна родная и нету других забот, - Сверчкова поцеловала Храмова, чекнулась с Отто...

- Нам пора, герр Отто, - почтительно заметил Хофман: трезвый, внимательный, как и подобает помощнику миллионера...

х х х

Прощались за калиткой, где стояли любознательные соседи. Храмова не было: задержался в доме...

- Я смотрю, вы так и не поговорили с Сергеем Федоровичем, - заметил Тырин. - Не узнали... Тот ли это и моряк?... Ты что-нибудь знаешь про Храмова, Галочка? - спросил Тырин у Сверчковой.

- Откуда? - та усмехнулась. - Живем здесь... как и все... тыщу лет... Работал в школе... военруком... и еще кем-то... - она махнула рукой.

- Его к Героям Советского Союза представляли, - продолжал Тырин, - за какое-то особое задание во время войны... А на самом верху... зарубили это представление... за то, что пленных немцев отпустил. Какой-то полковник из НКВД наступал... Когда с Храмовым в море был... А так бы наш дядя Сережа Герою ходил...

Отто молчал.

- А я вас поняла, господин Отто, - вступила в разговор Сверчкова. - Все, правильно.

- Вы о чем, извините? - спросил Отто.

- Да о ваших подарках, - Сверчкова усмехнулась, кивнув на коробки. - Точно, - повторила она. - Не надо!

От дома к ним шел Храмов, держа в руке сверток.

- Дядя Сережа, все равно ничего не примет, - продолжала Сверчкова. - Я его знаю... Тут все такие... дурачки. Простые и гордые... А вот насчет лекарств... Он не говорил?

- Нет.

- Жена у него... Операцию ждет, - Сверчкова раскрыла свою сумочку, - лекарства нужны, а у нас их нет...

Храмов был уже совсем рядом. - В машине дам рецепт. Хорошо?

- Конечно, - ответил Отто.

Храмов подошел к "микрику". Сверчкова и Тырин вернулись к "ниве", куда неуверенно усаживался спутник Сверчковой.

- Спасибо, - Отто протянул Храмову руку.

Тот улыбнулся. - Я знаю... вы хотели поговорить... Вспомнить

что-то... Но ведь прошло столько лет... Почти все забыто... Да и нужно ли теперь? Храмов внимательно смотрел на Отто. - А вот вам, действительно, спасибо.

- За что же?

- За то, что собрались приехать... Просто так... Посмотреть.. Как мы тут... В нашей России... Победители...

Отто не знал, что сказать.

- Спасибо, - повторил Храмов, протягивая ему сверток.

Отто хотел развернуть сверток.

- Потом, хорошо? - просит его Храмов.

Все усаживаются в машину.

- Дядя Сережа! - крикнула из "микрика" Свезникова. - Сыграй отходную!

И Храмов заиграл: "Небо голубое, шаловливая волна. Время золотое, двадцать первая весна..."

Кортёж покидает деревенскую улицу...

х х х

Машины выбрались на шоссе. Отто развернул тряпицу, которую дал ему Храмов. В ней - кортик корветтен-капитана Мандрела Отто... Несколько секунд он смотрел на него. А затем, ткнувшись лицом в стекло, заплакал...

х х х

А возле калитки, на опустевшей уже улице, играл мелодию свое монопоности Сергей Федорович Храмов.

Русский человек.

П о б е д и т е л ь.